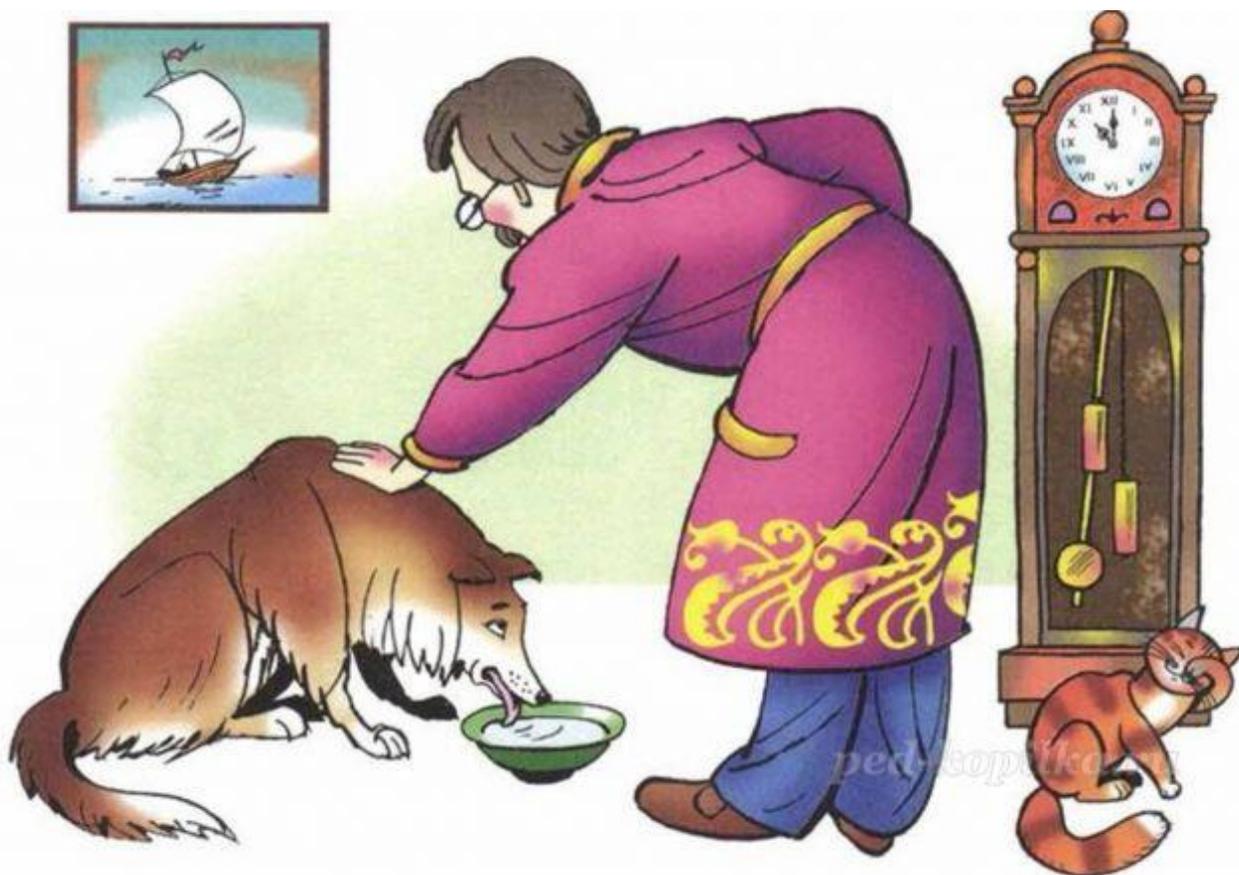

М. Пришвин Глоток молока

Лада заболела. Чашка с молоком стояла возле ее носа, она отвертывалась. Позвали меня. - Лада, - сказал я, - надо поесть. Она подняла голову и забила прутом. Я погладил ее. От ласки жизнь заиграла в ее глазах.

- Кушай, Лада, - повторил я и подвинул блюдце поближе. Она протянула нос к молоку и залакала.

Значит, через мою ласку ей силы прибавилось. Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли ее жизнь.

Осева В.А. Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому. — Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете? Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово... Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни— тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую. — Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой. «Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!...»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Какую тебе?

— Мне синюю, — робко сказал Павлик. Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?» Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки. «Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика. За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста. За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик. Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся! «Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

С. Я. Маршак Ежели вы вежливы

Ежели вы вежливы
И к совести
Не глухи,
Вы место
Без протеста
Уступите
Старухе.
Ежели вы
Вежливы
В душе, а не для виду,
В троллейбус
Вы поможете
Взобратся
Инвалиду.
И ежели вы
Вежливы,
То, сидя на уроке,
Не будете
С товарищем
Трещать, как две сороки.
И ежели вы
Вежливы,
Поможете
Вы маме
И помощь ей предложите
Без просьбы
То есть сами.
И ежели вы
Вежливы,
То в разговоре с тетей,
И с дедушкой,
И с бабушкой
Вы их не перебьете.
И ежели вы
Вежливы,
То вам, товарищ, надо
Всегда без опоздания
Ходить на сбор отряда,

Не тратить же
Товарищам,
Явившимся заранее,
Минуты на собрание,
Часы на ожидание!
И ежели вы вежливы,
То вы в библиотеке
Некрасова и Гоголя
Возьмете не навеки.
И ежели вы
Вежливы,
Вы книжечку вернете
В опрятном, не измазанном
И целом переплете.
И ежели вы
Вежливы,
Тому, кто послабее,
Вы будете защитником,
Пред сильным не робея.
Знал одного ребенка я.
Гулял он с важной нянею.
Она давала тонкое
Ребенку
Воспитание.
Был вежлив
Этот мальчик
И, право, очень мил:
Отняв у младших
Мячик,
Он их благодарил,
«Спасибо!» - говорил.
Нет, ежели вы
Вежливы,
То вы благодарите,
Но мячика
У мальчика
Без спросу
Не берите!

Николай НОСОВ

ДРУЖОК

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг оценилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один — совсем рыжий, только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

— Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать, не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

— Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

— Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, — сказала тётя Наташа. — А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить:

— Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: “Тяф! Тяф!” — совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними. Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

— Зря я вам поверила, — сказала тётя Наташа. — Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой братья за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо;

“Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака”.

Мы назвали щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

— Как же вы повезёте своего щенка? — спросила тётя Наташа. — Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит проводник и оштрафует.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётей Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что доведём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

— Молодец Дружок! — радовался Мишка. — Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко. Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как сорока:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

— Сюда, сюда! — трещала девчонка. — Садитесь! Я вот здесь сяду с тётей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

— Не шуми так, Леночка, — сказала тётя Надя. И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой, а дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

— Ой, как хорошо! — захлопала в ладоши Леночка. — С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой — три тетеньки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой послышался шорох и начало что-то скрестись, словномышь.

— Это Дружок! — зашептал Мишка. — А что если проводник придёт?

— Ничего, может быть, он и не услышит.

— А если Дружок лаять начнёт? Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

— Ай, мамочка,мышь! — завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

— Что ты выдумываешь! — сказала тётя Надя. — Откуда тутмышь?

— А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заскулил. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

— Мальчик, перестань! Это на нервы действует. В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

— Давай будем песни петь! — шепчет Мишка.

— Неудобно, — говорю я.

— Ну, давай громко стихи читать.

— Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.
В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

— На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается! Леночка стала хихикать и говорить:

— Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

— Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! — шутили пассажиры.
А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот и после зимы наступила вдруг осень:
Скучная картина!

Тучи без конца.

Дождик так и льётся,

Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка закричал что было силы:

Что ты рано в гости,

Осень, к нам пришла?

Ещё просит сердце

Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит:

— Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла. Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на солнышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки говоришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи выскочили из головы, только одна песня вертелась. Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на манер стихов:

Ах вы сени, мои сени!

Сени новые мои!

Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

— Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся! А Леночка надула губки и говорит:

— Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени! А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

— Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! — проворчал дядя Федя.

— Ты не волнуйся, — говорила ему тётя Надя. — Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

— О! — засмеялись в вагоне. — На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

— Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать. А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.

Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

— А этот всё какие-то песни читает!

— А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? — сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

— Нет, братец, — проворчал дядя Федя, — если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

...Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

— Смотри, — сказал Мишка, — когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

— Надо посмотреть — может, он там задохнулся? — говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

— Что это? — говорит Мишка. — Куда же Дружок делся? Тут я понял, в чём дело.

— Стой! — говорю. — Да это ведь не наш чемодан! Мишка посмотрел и говорит:

— Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и, потом, наш был коричневым, а этот рыжий какой-то. Ах я разиня! Схватил чужой чемодан!

— Бежим скорей обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, — сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли, в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать под лавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

— Наверно, его забрал кто-нибудь.

— Давай ещё раз пройдем по вагонам, — говорит Мишка. Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

— Нечего, — говорит, — по вагонам шнырять! Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Дружок пропал!

— Какой дружок?

— Ну, щенок. Не получала письма разве?

— Нет, не получала.

— Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка расплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

— Знаешь, теперь выходит — я вор!

— Почему?

— Ну, я ведь чужой чемодан взял.

— Ты ведь по ошибке.

— Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

— Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

— Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

— Да как же ты найдёшь этого человека?

— А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

— Правильно! — говорю я.

— Давай записки писать. Нарезали мы бумаги и стали писать:

“Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, №8, кв. 3”.

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

— Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

— Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал, — сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

“Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв.3”.

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на фонарных столбах... Только записок оказалось мало. Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали — вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётенька.

— Вам кого? — спрашивает Мишка.

— Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

— А зачем?

— Я, — говорит, — чемодан потеряла.

— А! — обрадовался Мишка. — Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётенька посмотрела и говорит:

— Это не мой.

— Как — не ваш? — удивился Мишка.

— Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

— Ну, тогда вашего у нас нет, — говорит Мишка. — Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста. Тётенька засмеялась и говорит:

— Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: “Мой чемодан”, и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

— Верно! — говорит Мишка. — А мы и не сообразили! Тётенька ушла.

— Вот видишь, — говорит Мишка, — сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук — все шли к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

— Удивляюсь! — говорил Мишка. — Приходят только те, у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

— А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

— Могли бы хоть письмо написать, — говорит Мишка. — Мы бы сами пришли.

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал открывать. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

— Может быть, это про нашего Дружка! — сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

— Это не нам письмо, — сказал наконец Мишка. — Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо “Песчаная” улица написал “Печная”. Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! — закричал Мишка. — Тебе письмо от какого-то грамотея!

— Что это за грамотей?

— А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

— “Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...” Что это? — говорит мама. — Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

— Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем новая учительница. Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна дала нам расписание уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

— Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина “Зима”?

— Учили! — загудели все хором.

— Кто помнит это стихотворение? Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

— Ты ведь помнишь?

— Помню.

— Так поднимай руку! Мишка поднял руку.

— Ну, выходи на середину и читай, — сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

— Постой, постой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Мишка сконфузился и говорит:

— Верно.

— Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

— А стихи не надо кончать? — спросил Мишка.

— Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

— Это она! Та тётя, которая с нами в поезде ехала. Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

— Помню, — говорю. — Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

— Ну, что теперь будет? — беспокоился Мишка. — Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

— Ну, что тебе учительница сказала? — спрашиваю я.

— Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

— Вам кого? — спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

— Постойте, — говорит Мишка. — Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну. Леночка говорит:

— Вы, наверно, чемодан принесли?

— Принесли.

— Ну, заходите.

Она привела нас в комнату и закричала:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли! Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя

Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

— Вот они, мои любимые старые очки! — обрадовался он. — Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

— Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

— Ну вот! — сказал дядя Федя. — А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее — всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

— Смотри! — прошептал Мишка. Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

— Дружок! — закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

— Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас? Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

— Да, — сказал дядя Федя, — это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слезы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

— Обязательно привезите, — сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на руках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

— Вы, наверно, за чемоданом пришли? — спросили мы их.

— Да, — сказали они. — Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

— Да, это мы, — говорим мы. — Только никакого чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

— Так вы бы снимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободрали их.

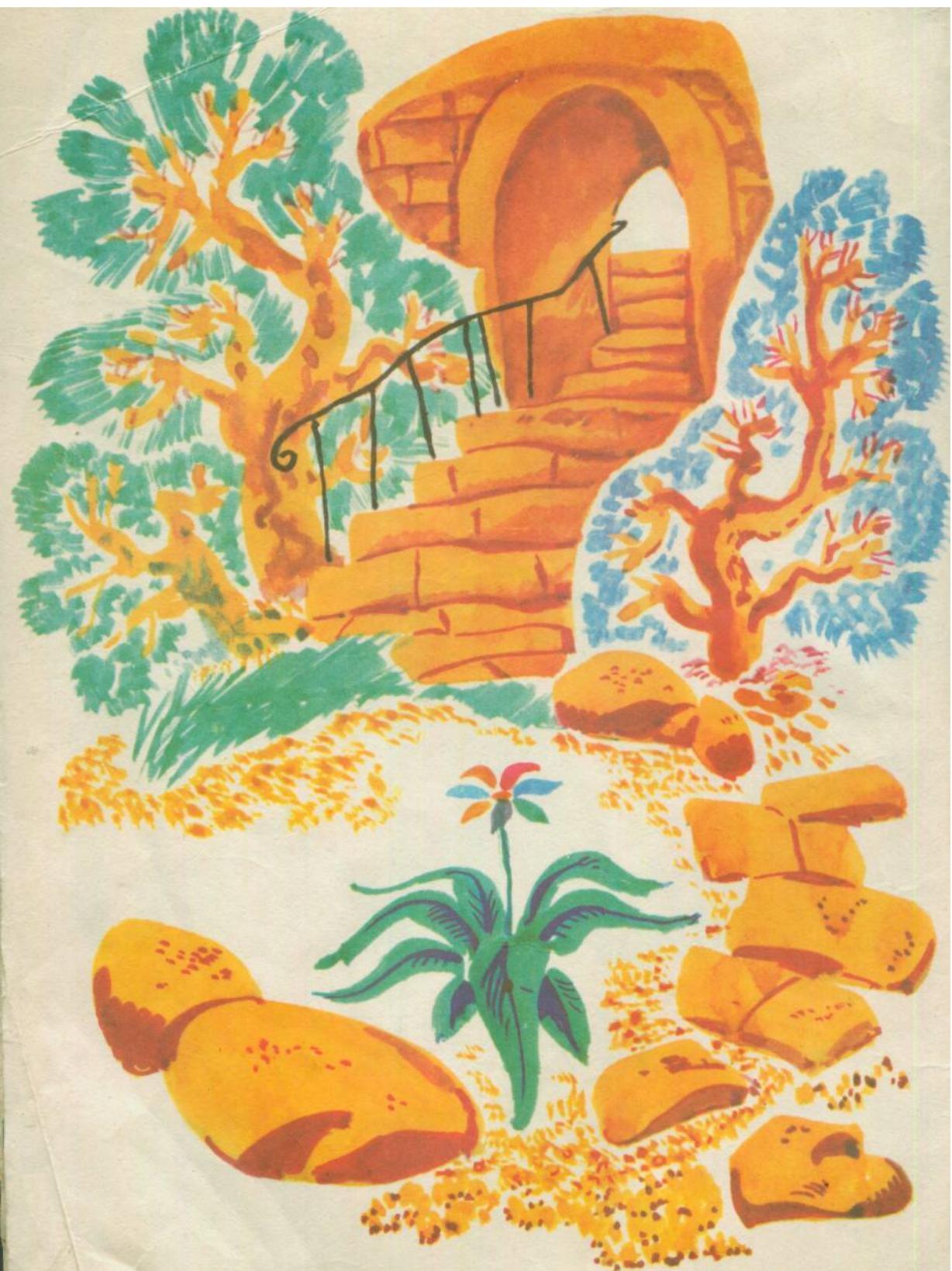
ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г.

ЧИТАЕМ САМИ

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

СКАЗКИ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1987

В этих сказках сами волшебники почти ничего не делают, зато дарят обыкновенной девочке Жене цветик-семицветик и дудочку. Как распорядится Женя подарками? Станет ли сидеть сложа руки, чтобы дудочка искала за неё землянику в лесу? Не растратит ли на пустяки цветик-семицветик, который может исполнить любые семь желаний?

Наверное, ты тоже задумаешься: а какие у тебя есть желания—самые главные, самые важные! Надо чаще о них вспоминать и самому добиваться, чтобы их осуществить, чтобы не зря прожить свою жизнь—этот волшебный цветик-семицветик, который даётся каждому человеку.

Сказки «Цветик-семицветик» и «Дудочка и кувшинчик» написал Валентин Петрович Катаев. Написаны они давно, в 1940 году, и с тех пор неоднократно переиздавались. Когда ты станешь постарше, ты прочитаешь ещё много прекрасных книг этого писателя — «Белеет парус одинокий», «Сын полка» и другие.

Рисунки В. Юдина

Катаев В. П.

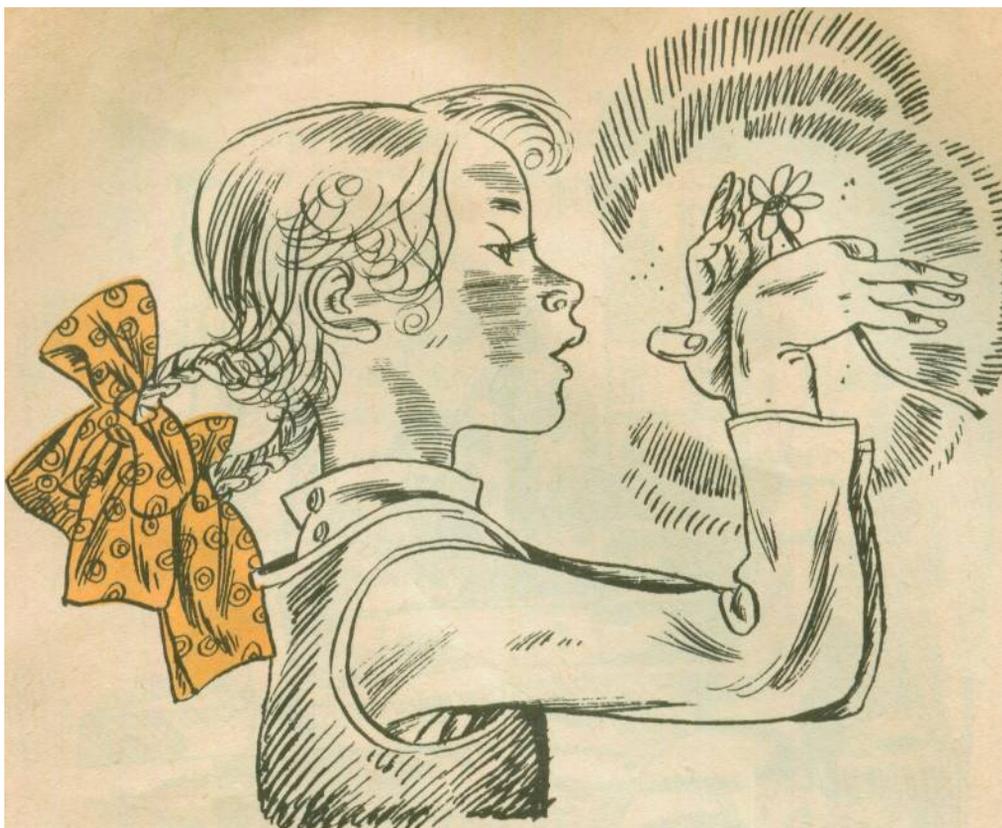
K29 Сказки: Рис. В. Юдина.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1987.— 32 с, ил.— (Читаем сами.)

10 коп.

В книгу включены две широкоизвестные сказки писателя: «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик».

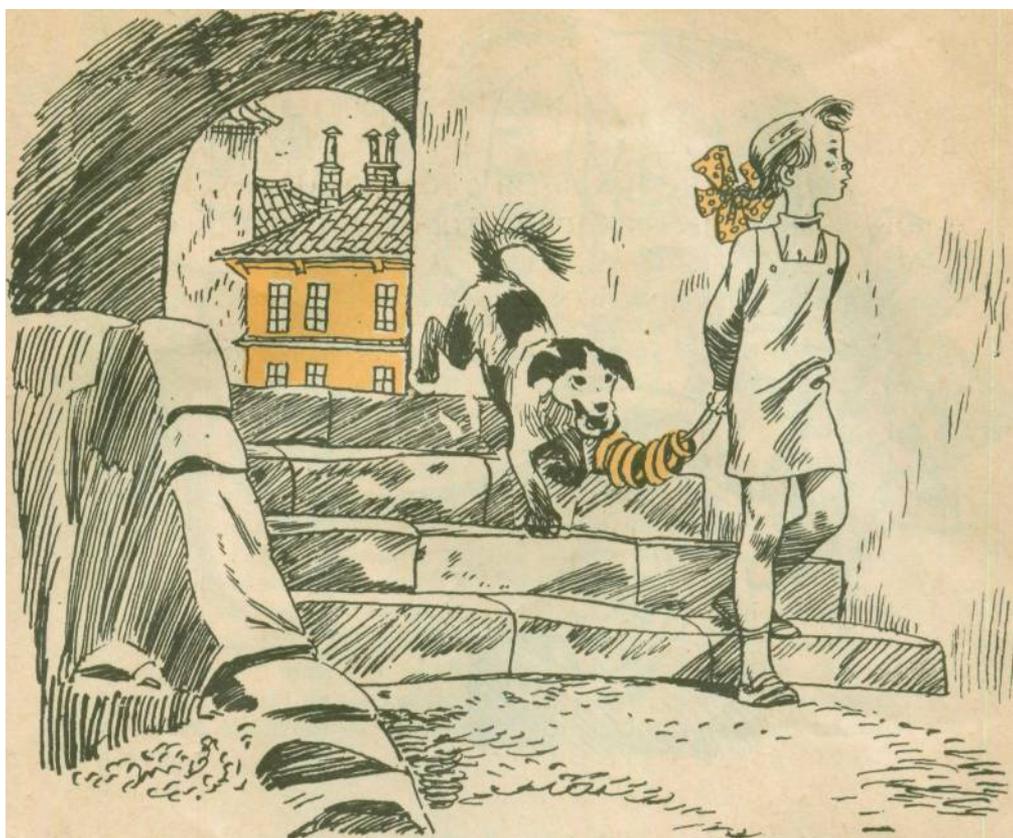
” **4803010102—020** ...
к **M101 (03)87**—^{2 4 6} _{8 7}

P₃
P 2

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувство-

вала Женя, что баранки стали чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах вредная собака!—закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка:

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков,

каждый другого цвета: жёлтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик,— сказала старушка,— не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминной вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тята-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на сво-

ём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была, в летнем платице, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Аи, мамочка, замерзаю!—закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвёртый — потёртый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на неё смотрят и смеются.

— Ну, где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня ещё висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор — водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед,

а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну,—думает,—я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

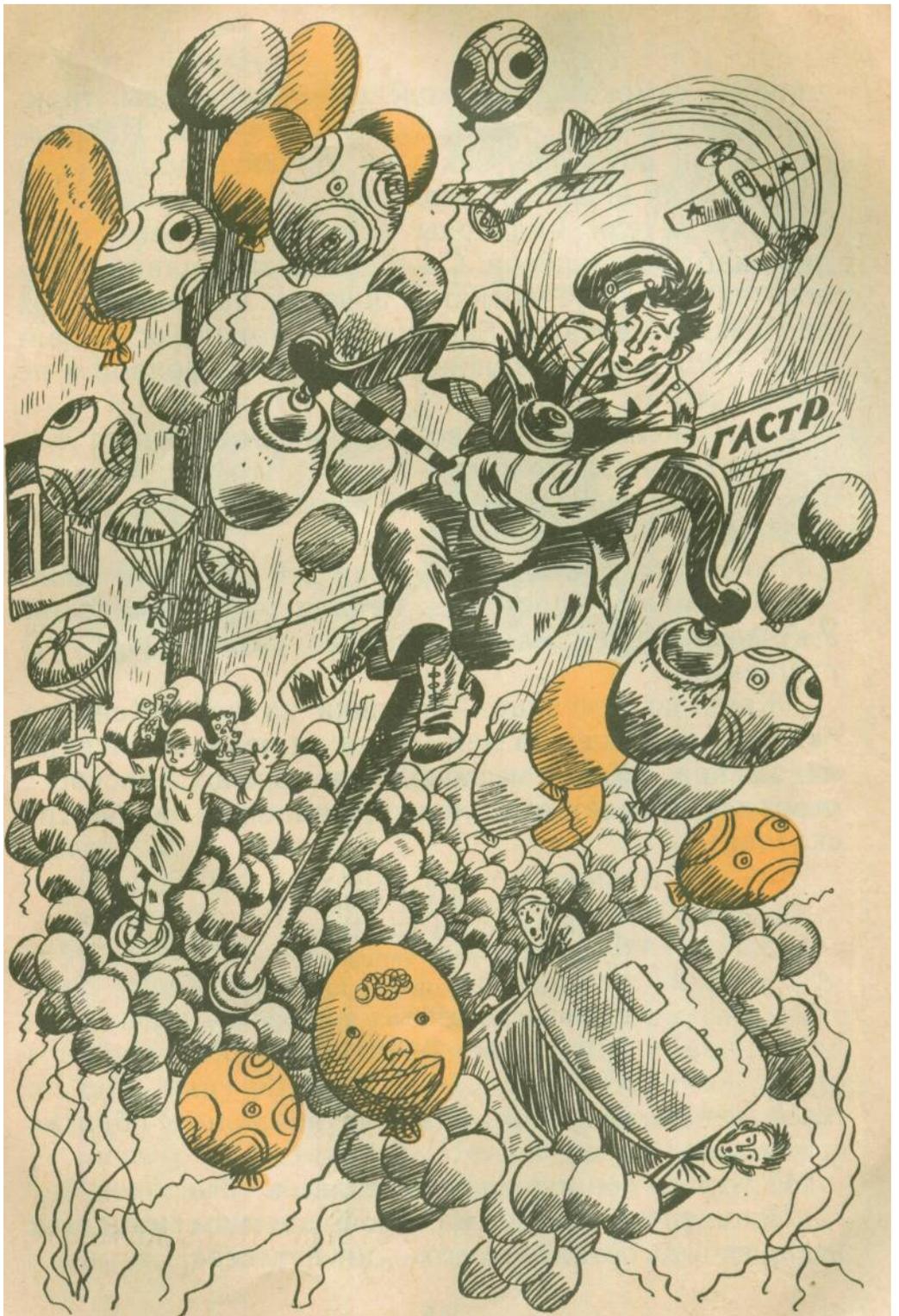
Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики,

шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову.— Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валили и валили. Кончились советские, начались американские. Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

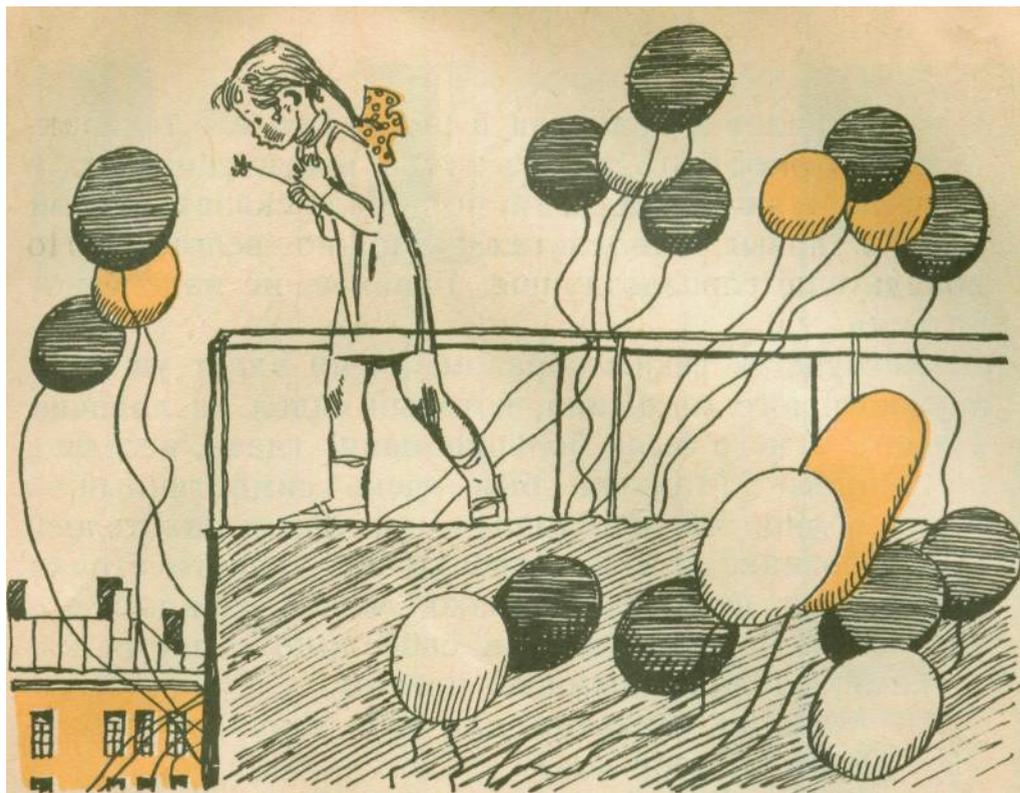
Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно в магазины!

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила, и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает:

«Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я се-

бе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах?! Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный, — сразу видно, что не драчун, — и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя кошечками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

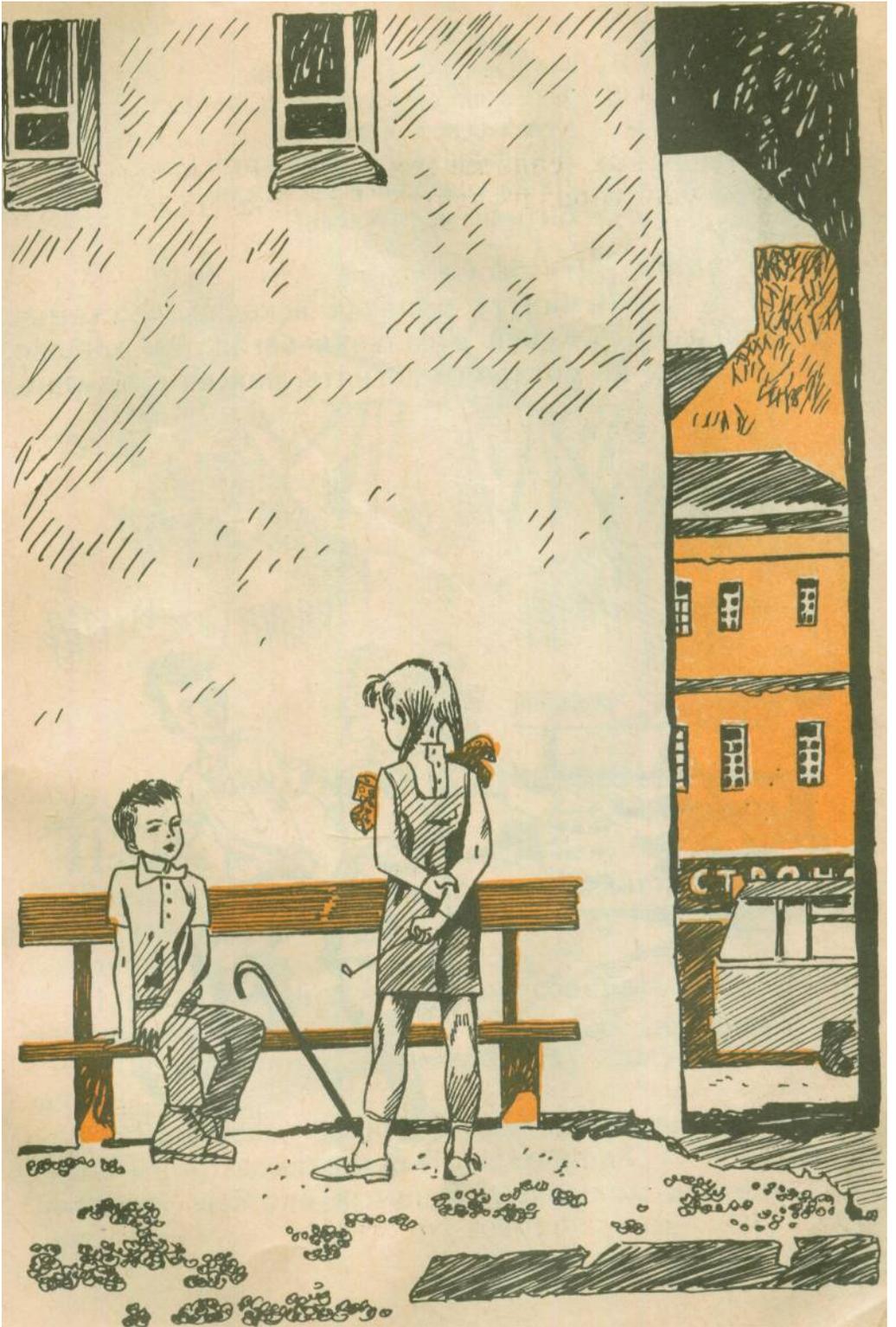
И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели!

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК

Поспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберёт.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

— Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик лопухом и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит — у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

— Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

— А ты хорошо искала?

— Да. Там ни одной ягоды, одни листики.

— А под листики ты заглядывала?

— Не заглядывала.

— Вот видишь! Надо заглядывать.

— А почему Павлик не заглядывает?

— Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

— Ягодки — они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягодку за ягодкой, приговаривая:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

— Хорошо, — сказала Женя. — Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются. Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвёт и приговаривает:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

«Хватит с меня,— думает.— Я уж и так, наверное, много набрала».

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

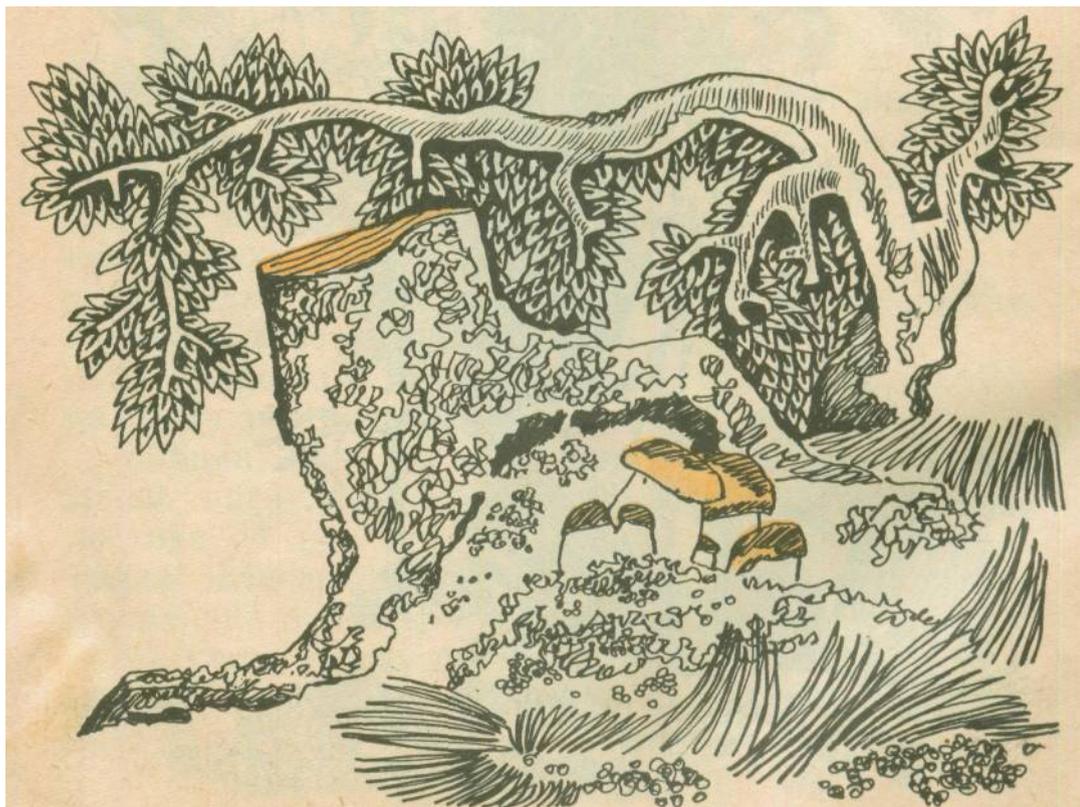
Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок — даже дно не закрыто.

«Ну,— думает,— так собирать мне совсем не нравится. Всё время нагибайся да нагибайся. Пока

наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку».

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенёк отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладёт. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: «Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!»

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась, и из-под пенька вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперёк шляпы сухая травинка.

— Здравствуй, девочка,— говорит.

— Здравствуй, дяденька.

— Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик-боровик, коренной лесовик, главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чём вздыхаешь? Кто тебя обидел?

— Обидели меня, дедушка, ягоды.

— Не знаю. Они у меня смиренные. Как же они тебя обидели?

— Не хотят на глаза показываться, под листики прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик-боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

— Сущие пустыки! У меня для этого есть спе-

циальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик-боровик, коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

— Перестань, дудочка.

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женя:

— Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!

— Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик: он мне очень понравился.

— Хорошо. С большим удовольствием.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые молодые любопытные ягодки, ещё совсем зелёные. За ними высунули головки ягоды постарше—одна щёчка розовая, другая белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые — крупные и красные. И наконец, с самого низу показались ягоды-старички, почти чёрные, мокрые, душистые, покрытые жёлтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко сквозили на солнце и тянулись к дудочке.

— Играй, дудочка, играй!—закричала Женя.— Играй быстрее!

Дудочка заиграла быстрее, и ягод высыпало ещё больше — так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

— Играй, дудочка, играй! Играй ещё быстрее.

Дудочка заиграла ещё быстрее, и весь лес наполнился таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчёлы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего лёгкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули жёлтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного звука,

и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищённая чудной музыкой.

«Вот теперь-то я начну собирать!» — подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что обменяла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

— У, глупая дудка! — сердито закричала девочка. — Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику-боровику, коренному лесовику и говорит:

— Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

— Хорошо,— отвечает старик-боровик, коренной лесовик,— я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не видно— одни только листики. Вот несчастье! Кувшинчик есть— дудочки не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику-боровику, коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:

— Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

— Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

— Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

— Ну, так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

— Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик и дудочку.

— Ишь ты какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку и кувшинчик! Обойдётся и без дудочки, одним кувшинчиком.

— Не обойдусь, дедушка.

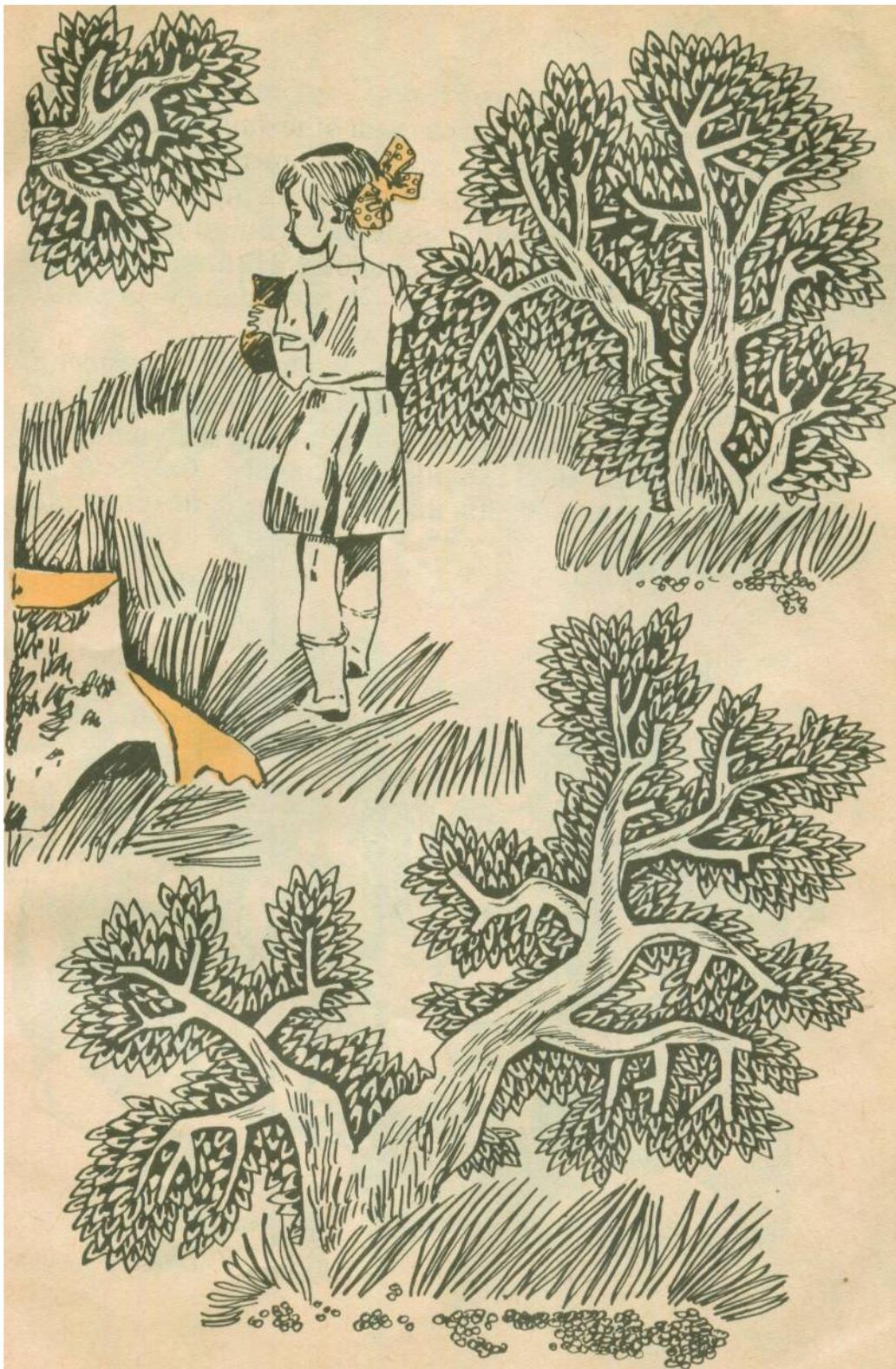
— А как же другие-то люди обходятся?

— Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку заглядывают, да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвёртая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

— Ах, вот как! — сказал старик-боровик, коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него вместо сизой стала чёрная-пречёрная.— Ах, вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забери свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик-боровик, коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенёк.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою

полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой.

Одну берёт, на другую смотрит, третью замечает, а четвёртая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

— Вот умница,— сказал Жене папа,— полный кувшинчик принесла. Небось устала?

— Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой — папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.

Серия ЧИТАЕМ САМИ

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАСНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает
для вас серию книг «Читаем сами».

В 1987 году выйдут следующие книги:

Барто А.

ЗВЕЗДОЧКИ В ЛЕСУ.

Весёлые стихи об октябрятах, живущих
в пионерском лагере.

Бонч-Бруевич В.

ЛЕНИН И ДЕТИ.

Рассказы о В. И. Ленине.

Высотская О.

НАД РЕКОЙ ОКОЙ.

Стихи о школе, о первоклассниках-октябрятах.

Для младшего школьного возраста

Валентин Петрович Катаев

СКАЗКИ

ИБ № 9495

Сказка Дюймовочка

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребёнка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребёночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

— Отчего же! — сказала колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были ещё плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

Что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном ступьчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, её и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была её колыбелькою, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку её укладывали на ночь, а днём она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нём Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Всё это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоса никто ещё не слыживал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

— Вот и жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она ещё проснётся, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка её посередине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит,

а мы пока приберём там, внизу, наше гнёздышко. Вам ведь в нём жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всего от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала своё жилище тростником и жёлтыми кувшинками — надо же было приукрасить всё для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего её хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одиёшенька на зелёном листе и горько-горько плакала, — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели её, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывает же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав её, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок всё плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг неё и наконец уселся на листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать её, а вокруг всё было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук, увидал девочку, обхватил её за тонкую талию лапкой и унёс на дерево, а зелёный листок поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылёчка, которого она привязала к листку: ему придётся теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зелёный лист, покормил её сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

— У неё только две ножки! Жалко смотреть!

— Какая у неё тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! — сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принёс её, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашёл, что она безобразна, и не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда хочет. Он слетел с нею с дерева и посадил её на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать её у себя! А на самом-то деле

она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и повесила её под большой лопушиный лист — там дождик не мог достать её. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной и холодной. Все певуны и птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мёрзла от холода: платьице её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — замерзай, да и всё тут! Пошёл снег, и каждая снежинка была для неё то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мёрзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зёрнами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха.
— Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости, — сказала как-то полевая мышь. — Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живёт ещё куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришёл в гости к полевой мыши.

Правда, он носил чёрную бархатную шубку, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у неё, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в неё влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землёй длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мёртвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь всё равно, что свечка, — и пошёл вперёд, освещая длинную тёмную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мёртвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мёртвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в пёрышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль её, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замёрзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глазки. «Может быть, эта та самая, которая так чудесно распевала летом! — подумала

девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой славный ковёр, снесла его в галерею и завернула в него мёртвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было теплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилося сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в тёплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадёт замертво на землю, и её засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но всё-таки собралась с духом, ещё больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у неё не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идёт снег! Остайся лучше в своей тёплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и поэтому не смогла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Как упала на землю и... да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, — пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая добрая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у неё даже слёзы навернулись на глазах, — уж очень полюбила её бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощбетала птичка и скрылась в зелёном лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так всё заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придётся готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь. Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и давно ни в чём нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырёх пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и всё только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, — а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» — думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зелёном лесу!

К осени Дюймовочка приготовила всё своё приданое.

— Через месяц, твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха мышь. — Только не капризничай, а то я укушу тебя — видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодарю Бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришёл за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землёй, и никогда не выходить на солнце, — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она всё-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

— Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь её!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглянет солнышко.

— Скоро придёт холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя покрепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота,

далеко за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, упёрлась ножками в её распростёртые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, а около канав и изгородей рос зелёный и чёрный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и

душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребяташки и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше и дальше, и чем дальше, тем было всё лучше. На берегу красивого голубого озера, посреди зелёных кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнёзда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживёшь!

— Вот было бы хорошо! — сказала крошка и захлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

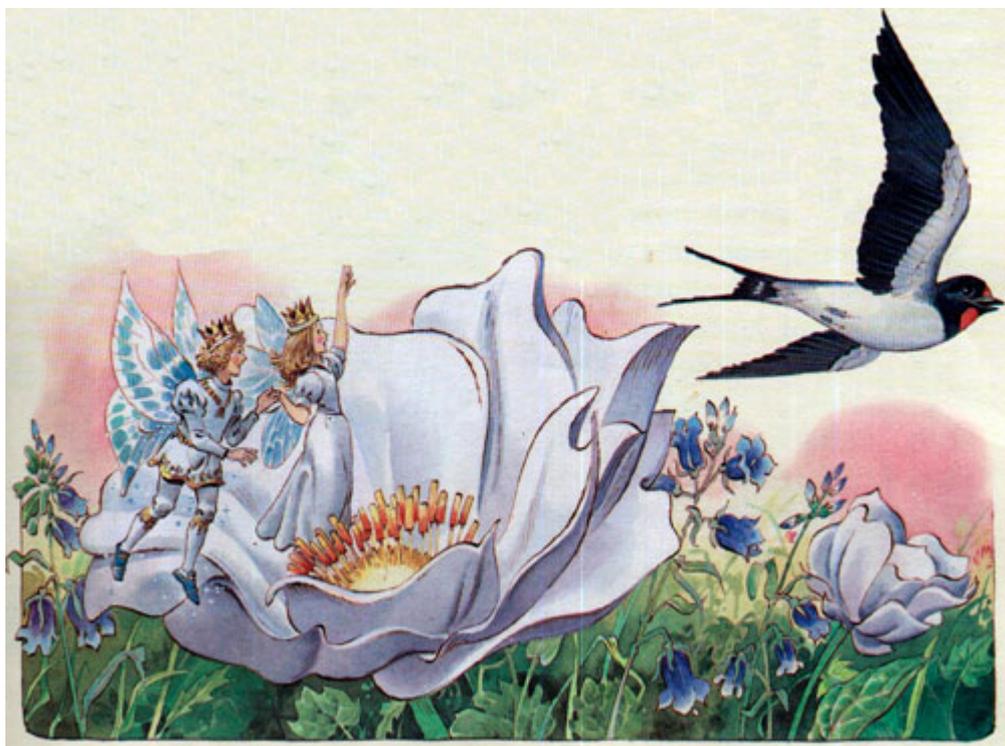
Это был эльф. В каждом цветке живёт эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда ещё не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел её Дюймовочке на голову и спросил, как её зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы — мальчики и девочки — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела

наверху, в своём гнёздышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! — сказал эльф. — Это некрасивое имя. А ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

— Прощай, прощай! — прошептала ласточка и опять полетела из тёплых краёв далеко, далеко — в Данию. Там у неё было маленькое гнездо, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела своё «кви-вить», а потом и мы узнали эту историю.

Сказки на <https://fairytale.site/>

В.В. Голявкин «Как я помогал маме мыть пол»

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне.

«Не получится, — говорит, — у тебя...»

— Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и всё дело. Воды маловато, правда. Комната то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешешь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился. Придётся теперь с насосом повозиться. Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне всё же помог.

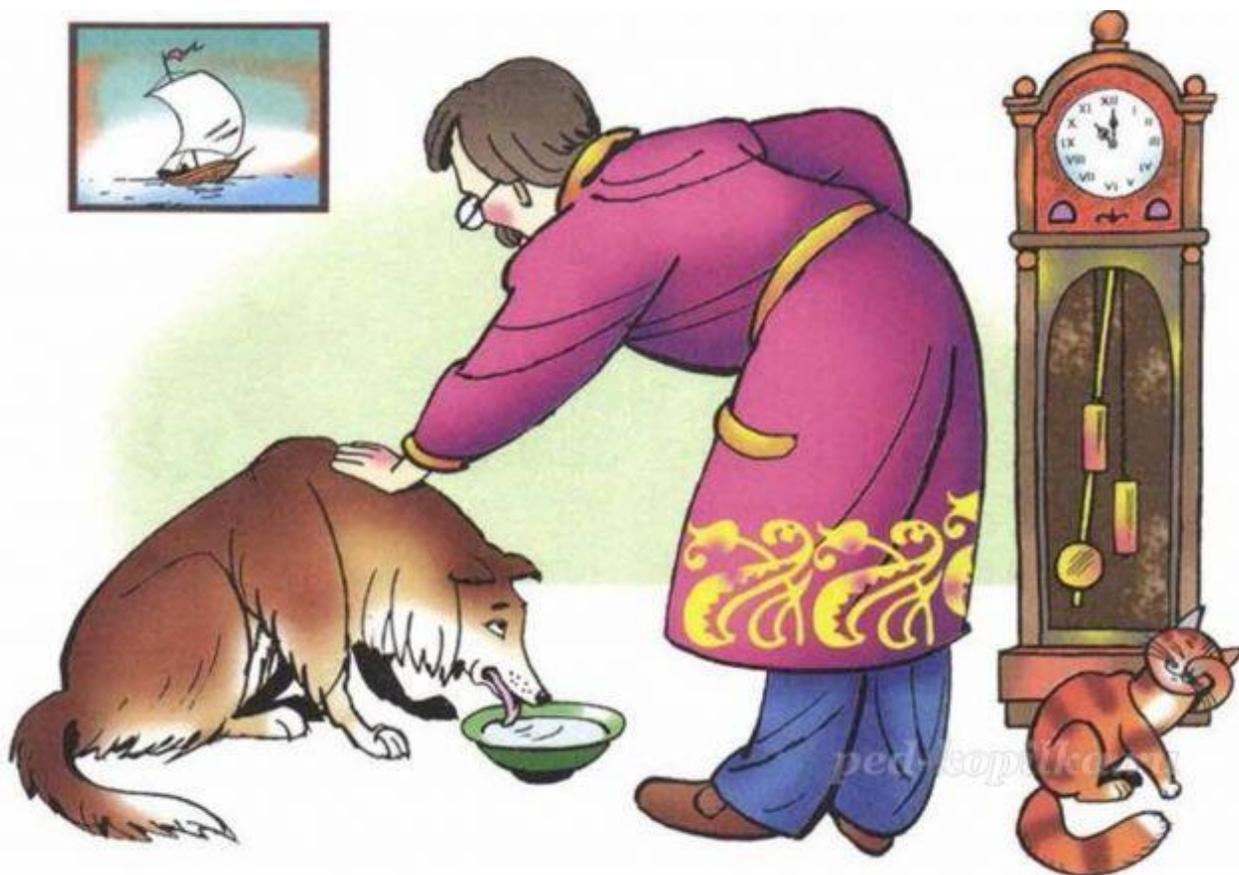

М. Пришвин Глоток молока

Лада заболела. Чашка с молоком стояла возле ее носа, она отвертывалась. Позвали меня. - Лада, - сказал я, - надо поесть. Она подняла голову и забила прутом. Я погладил ее. От ласки жизнь заиграла в ее глазах.

- Кушай, Лада, - повторил я и подвинул блюдце поближе. Она протянула нос к молоку и залакала.

Значит, через мою ласку ей силы прибавилось. Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли ее жизнь.

Сказка Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напярсть, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатоно.

Отнесет к мачехе; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку.

Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает;

— Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой! — а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а Третий глядит и все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка

матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову! Старик так, сяк:

— Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

— Девуцы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знаять.

Сказки на <https://fairytale.site/>

Маршак С.Я. «Пудель»

На свете старушка
Спокойно жила,
Сухарики ела
И кофе пила.
И был у старушки
Породистый пес,
Косматые уши
И стриженный нос.

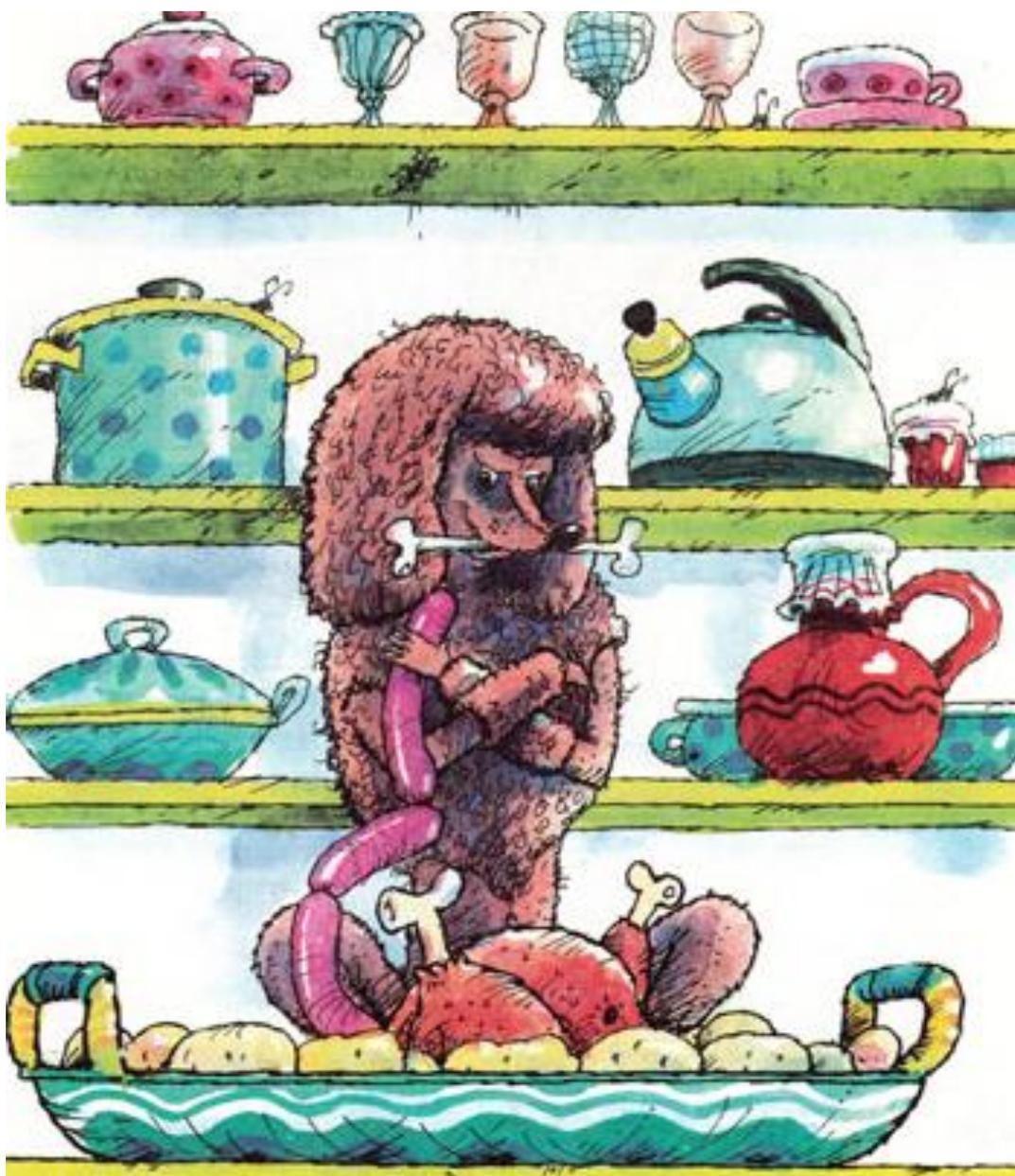

Старушка сказала:

- Открою буфет

И косточку
Пуделю
Дам на обед.

Подходит к буфету,
На полку глядит,
А пудель
На блюде
В буфете сидит.

Однажды
Старушка
Отправилась в лес.
Приходит обратно,
А пудель исчез.

Искала старушка
Четырнадцать дней,
А пудель
По комнате
Бегал за ней.

Старушка на грядке

Полола горох.

Приходит с работы,

А пудель издох.

Старушка бежит

И зовет докторов.

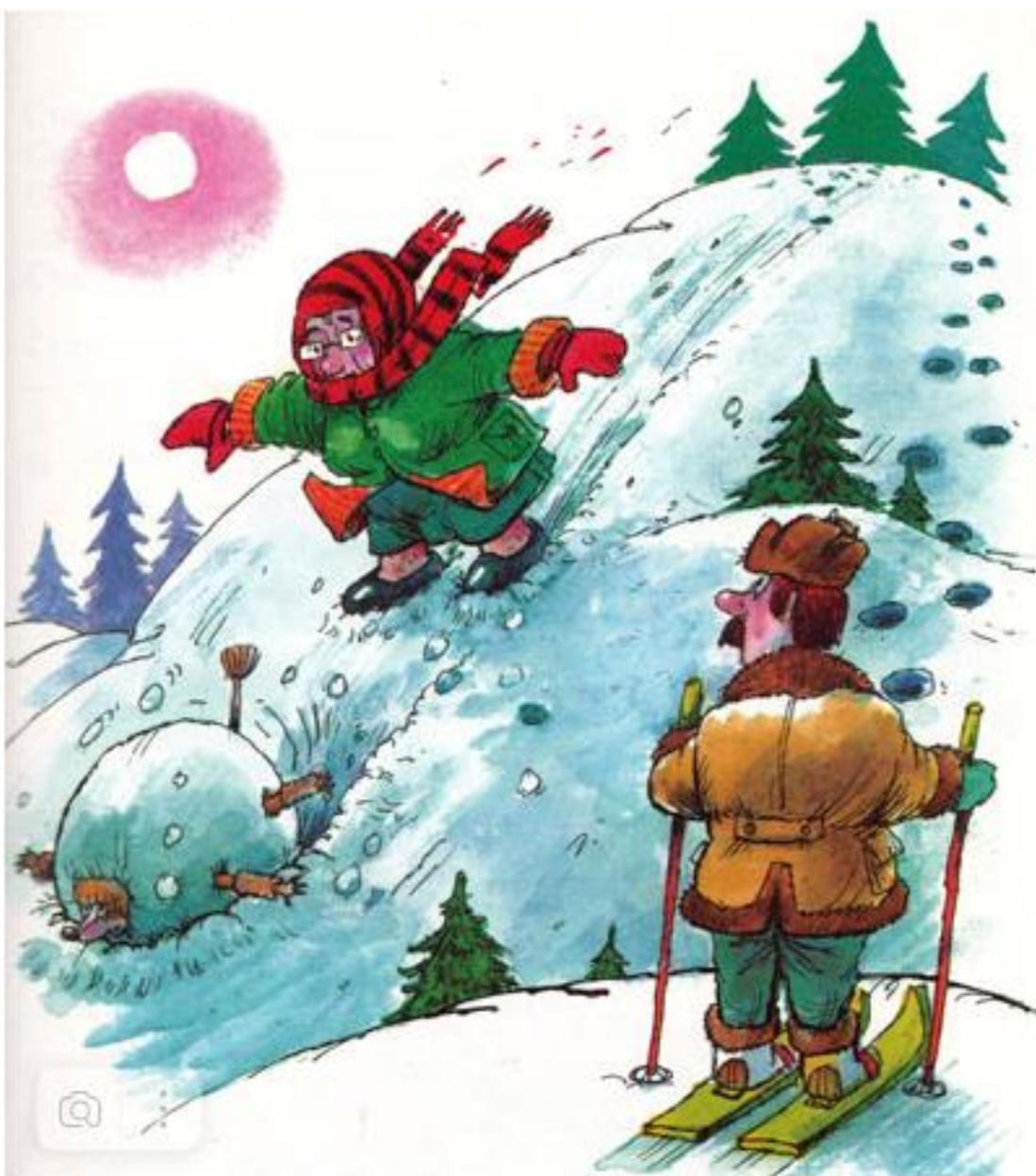
Приходит обратно,

А пудель здоров.

По скользкой тропинке
В метель и мороз
Спускаются с горки
Старушка и пес.

Старушка в калошах,
А пес - босиком.
Старушка вприпрыжку,
А пес - кувырком!

По улице

Курица

Водит цыплят.

Цыплята тихонько

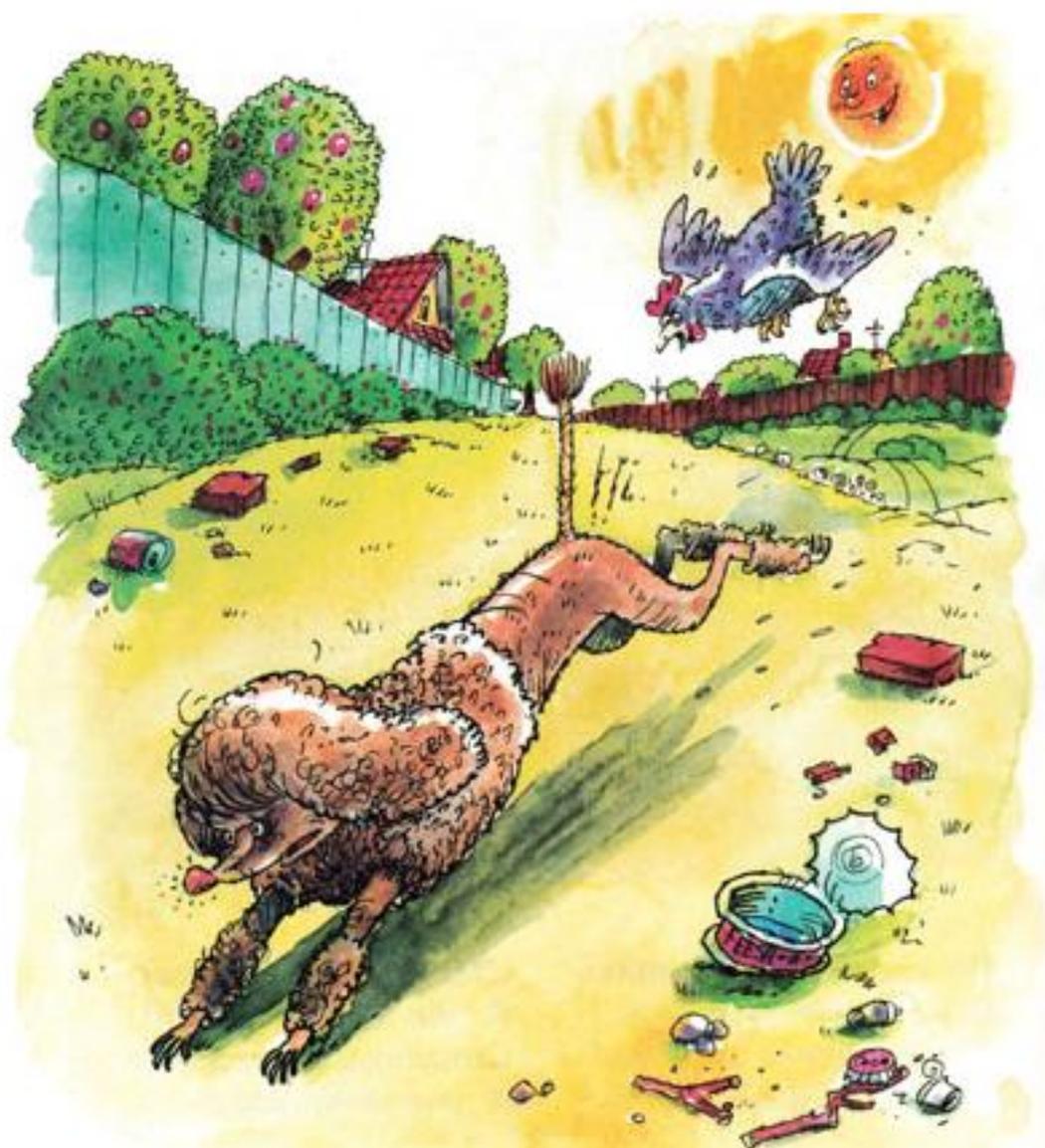
Пищат и свистят.

Помчался вдогонку

За курицей пес,

А курица пуделя

Клюнула в нос.

Старушка и пудель

Смотрели

В окно,

Но скоро на улице

Стало темно.

Старушка спросила:

- Что делать, мой пес? -

А пудель подумал

И спички принес.

Смотала старушка

Клубок для чулок,

А пудель тихонько

Клубок уволок.

Весь день по квартире

Катал да катал,

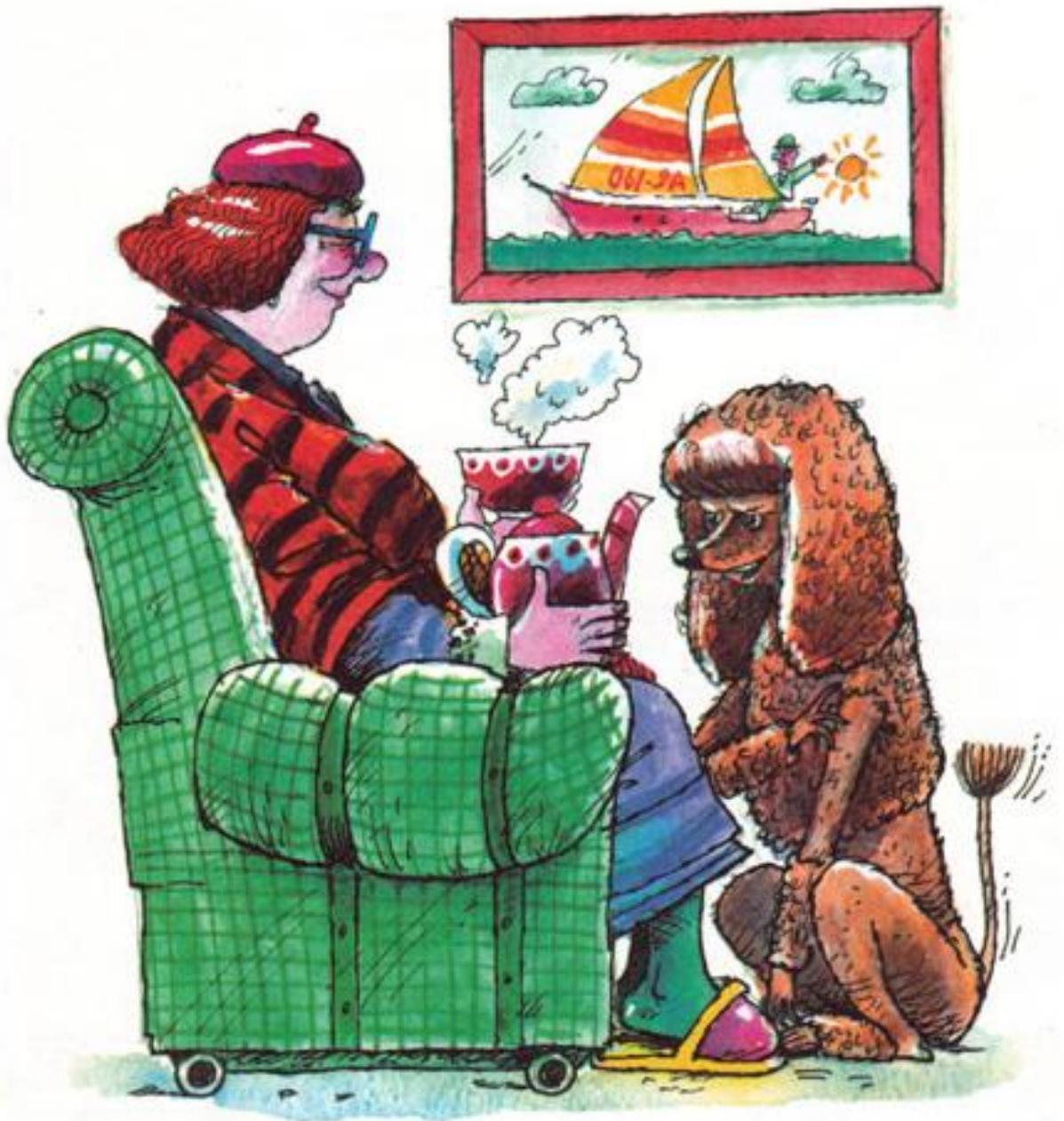
Старушку опутал,

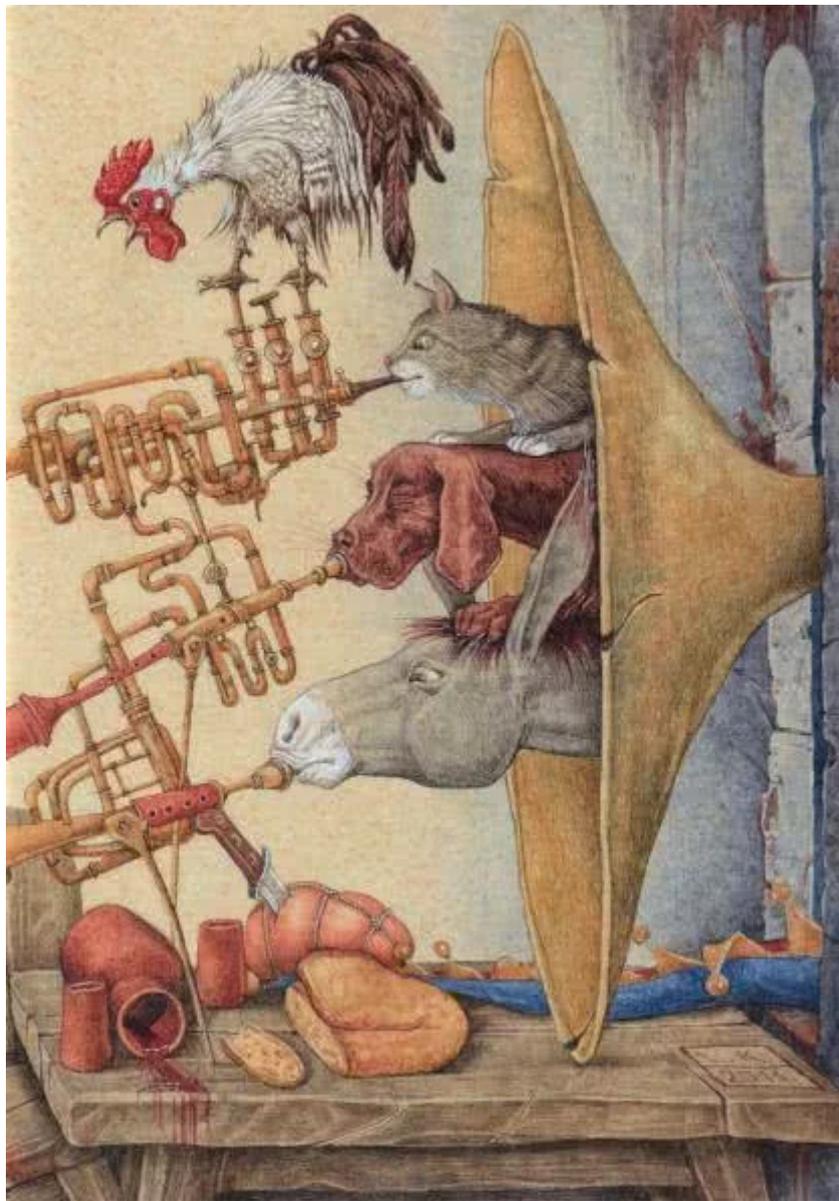
Кота обмотал.

Старушке в подарок
Прислали кофейник,
А пуделю - плетку
И медный ошейник.

Довольна старушка,
А пудель не рад
И просит подарки
Отправить назад.

Сказка Бременские музыканты

Много лет тому назад жил на свете мельник.

И был у мельника осёл - хороший осёл, умный и сильный. Долго работал осёл на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот наконец состарился.

Видит хозяин: ослабел осёл, не годится больше для работы, - и выгнал его из дому.

Испугался осёл: “Куда я пойду, куда денусь! Стар я стал и слаб”.

А потом подумал: “Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом”.

Так и сделал. Пошёл в немецкий город Бремен.

Идёт осёл по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

- Отчего ты так запыхалась, собака? - спрашивает осёл. - Что с тобой?

- Устала, - говорит собака. - Бежала долго, вот и запыхалась.

- Что ж ты так бежала, собака? - спрашивает осёл.

- Ах, осёл, - говорит собака, - пожалей меня! Жила я у охотника, долго жила, по полям и болотам за дичью бегала. А теперь стара стала, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать - не знаю.

- Пойдём со мной в город Бремен, - отвечает ей осёл, - сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

- Что ж, - говорит собака, - пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт - кричит по-ослиному, собака идёт - лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот; печальный сидит, невесёлый.

- Что ты такой печальный? - спрашивает его осёл.

- Что ты такой невесёлый? - спрашивает собака.

- Ах, - говорит кот, - пожалейте вы меня, осёл и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил - ловил крыс и мышей. А теперь стар стал и зубы у меня притупились. Видит хозяйка, не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке. Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться, - не знаю.

Осёл ему отвечает:

- Пойдём с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака - петь и в барабан бить, а я - петь и на гитаре играть.

- Что ж, - говорит кот, - пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт - кричит по-ослиному, собака идёт - лает по-собачьи, кот идёт - мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли, проходят мимо одного двора и видят - сидит на воротах петух.

Сидит и кричит во всё горло: "Ку-ка-ре-ку!"

- Ты что, петушок, кричишь? - спрашивает его осёл.

- Что с тобой случилось? - спрашивает его собака.

- Может, тебя кто обидел? - спрашивает кот.

- Ах, - говорит петух, - пожалейте вы меня, осёл, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости придут - вот и собираются хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осёл:

- Пойдём, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака - петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

- Что ж, - говорит петух, - пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт - кричит по-ослиному, собака идёт - лает по-собачьи, кот идёт - мяукает по-кошачьи, петух идёт - кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осёл и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел - светится невдалеке огонёк.

- Огонёк светится! - кричит петух. Осёл говорит:

- Надо узнать, что это за огонёк. Может быть, поблизости дом стоит. Собака говорит:

- Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

- Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

- Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонёк.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нём светится.

Осёл подошёл к дому и заглянул в окошко.

- Что ты там видишь, осёл? - спрашивает его петух.

- Вижу я, - отвечает осёл, - сидят за столом разбойники, едят и пьют.

- Ох, как хочется есть! - сказала собака.

- Ох, как хочется пить! - сказал кот.

- Как бы нам разбойников из дома выгнать? - сказал петух.

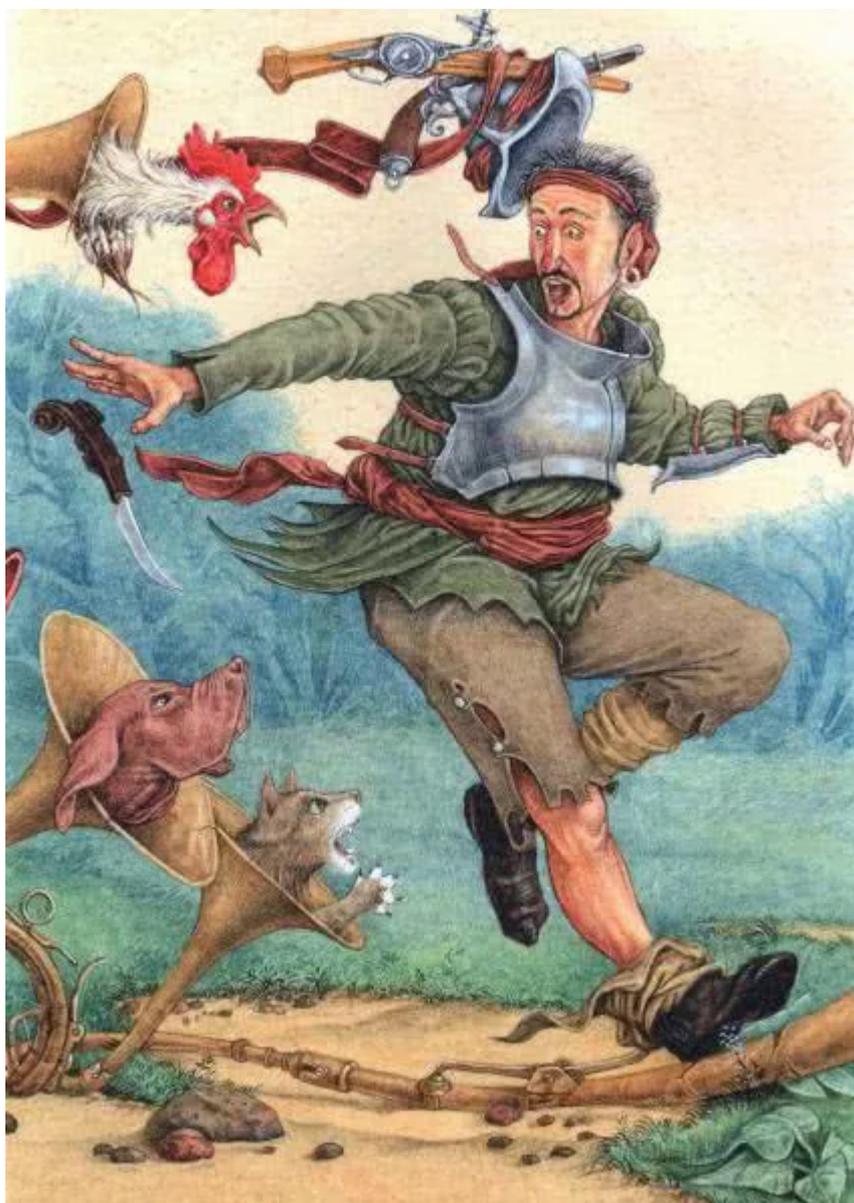
Думали они, думали и придумали.

Осёл тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали:

*осёл - по-ослиному,
собака - по-собачьи,
кот - по-кошачьи,
а петух закукарекал.*

Ткнул он в огонёк лучинкой, а это был кошачий глаз. Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит.

Разбойник - в дверь. А тут его собака за ногу схватила.

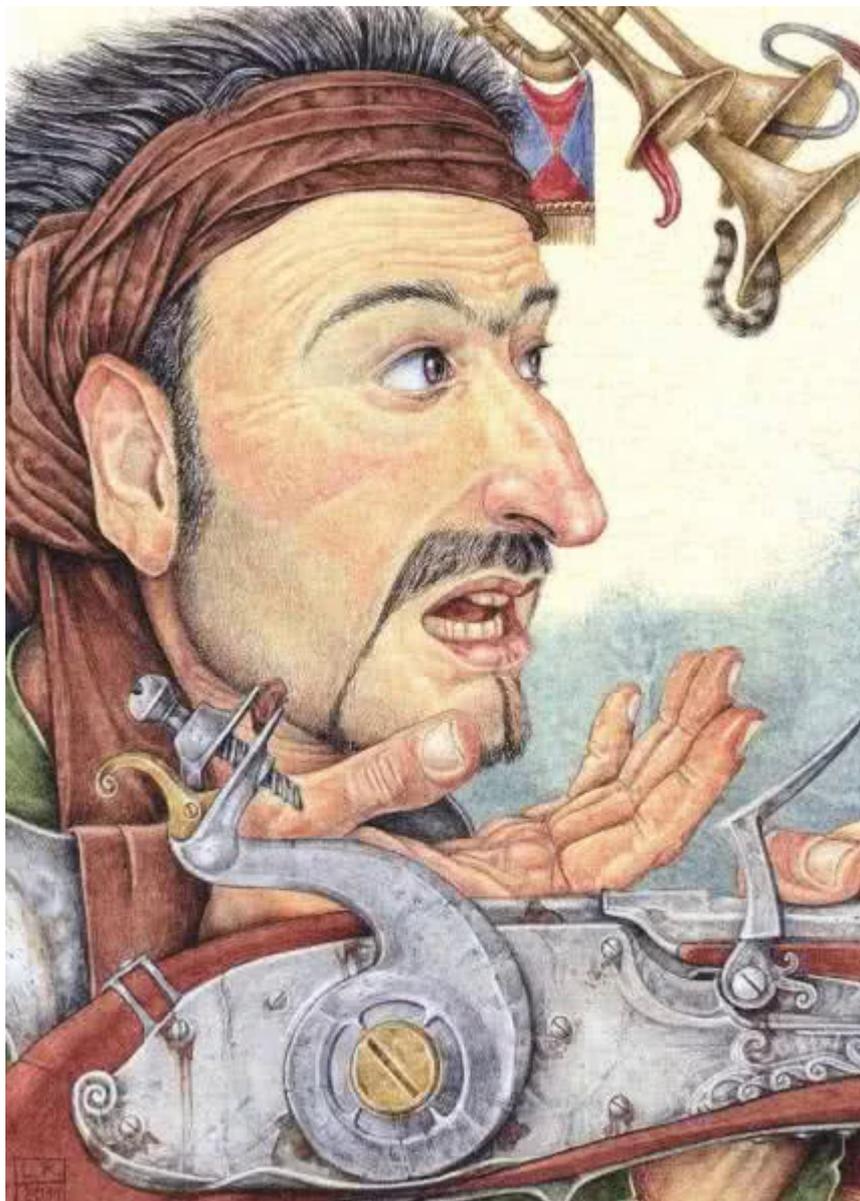
Разбойник - во двор. А тут его осёл копытом лягнул.

Разбойник - в ворота. А с ворот петух как закричит:

- Кукареку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

- Беда! В нашем доме страшные великаны поселились. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвёртый закричал мне вслед: “Держи вора!”

- Ох, - сказали разбойники, - надо нам от- - Ох, - сказали разбойники, - надо нам отсюда поскорее уходить!

И ушли разбойники из этого леса навсегда. А бременские музыканты - осёл, собака, кот и петух - остались жить у них в доме да поживать.

Сказки на <https://fairytale.site/>

Малыш и Жучка

(В. Дмитриева)

Когда мать Малыша, Федосья, привела его в первый раз в школу, учительница с удивлением сказала:

– Какой он маленький! Сколько же ему лет?

– Седьмой годок пошёл, – сказала Федосья.

Анна Михайловна молчала и глядела на Малыша. Он стоял перед ней такой крошечный, в рваном полушубке, с огромной, должно быть отцовской, шапкой в руках и серьёзно глядел на неё своими большими серыми глазами. Нос пуговкой смешно торчал кверху; белые, как лён, волосы завивались кудряшками.

– Да что же я с ним делать буду? – сказала она, улыбаясь. – Ведь он, я думаю, и говорить-то ещё не умеет!

Малыш потянул в себя носом, махнул шапкой и сказал:

– А у меня Жучка есть!

– Это ещё что за Жучка? – смеясь, сказала учительница.

– Да это он про собачку, – ответила за него мать, ободрённая тем, что учительница развеселилась. – Собака у нас, Жучка, и собачонка-то дрянная, а вот, привязалась, так за ним и бегают! Водой не отольёшь!

– И вовсе не дрянная! – обиженно возразил Малыш. – Она хорошая!

«КОТЕНОК»

Городецкий Сергей Митрофанович

Ты зачем, шалун-котенок,

Куклу в поле утащил?

Простудиться мог ребенок,

На ветру совсем застыл!

Утро целое искала

В детской куколку свою,

А тебе и горя мало!

Слышишь, что я говорю?»

Улыбаясь виновато,

Ей в ответ котенок-плут:

«Кукле в детской скучновато,

Я играл с ней там и тут.

Кукла, глазки закрывая,

Все мяукала со мной.

Думал я: она живая,

Прибежит сама домой!»

Кто сказал «МЯУ»?

Щенок спал на коврике около дивана.

Вдруг сквозь сон он услышал, как кто-то сказал:

— Мяу!

Щенок поднял голову, посмотрел — никого нет.

«Это, наверно, мне приснилось», — подумал он и улёгся поудобнее.

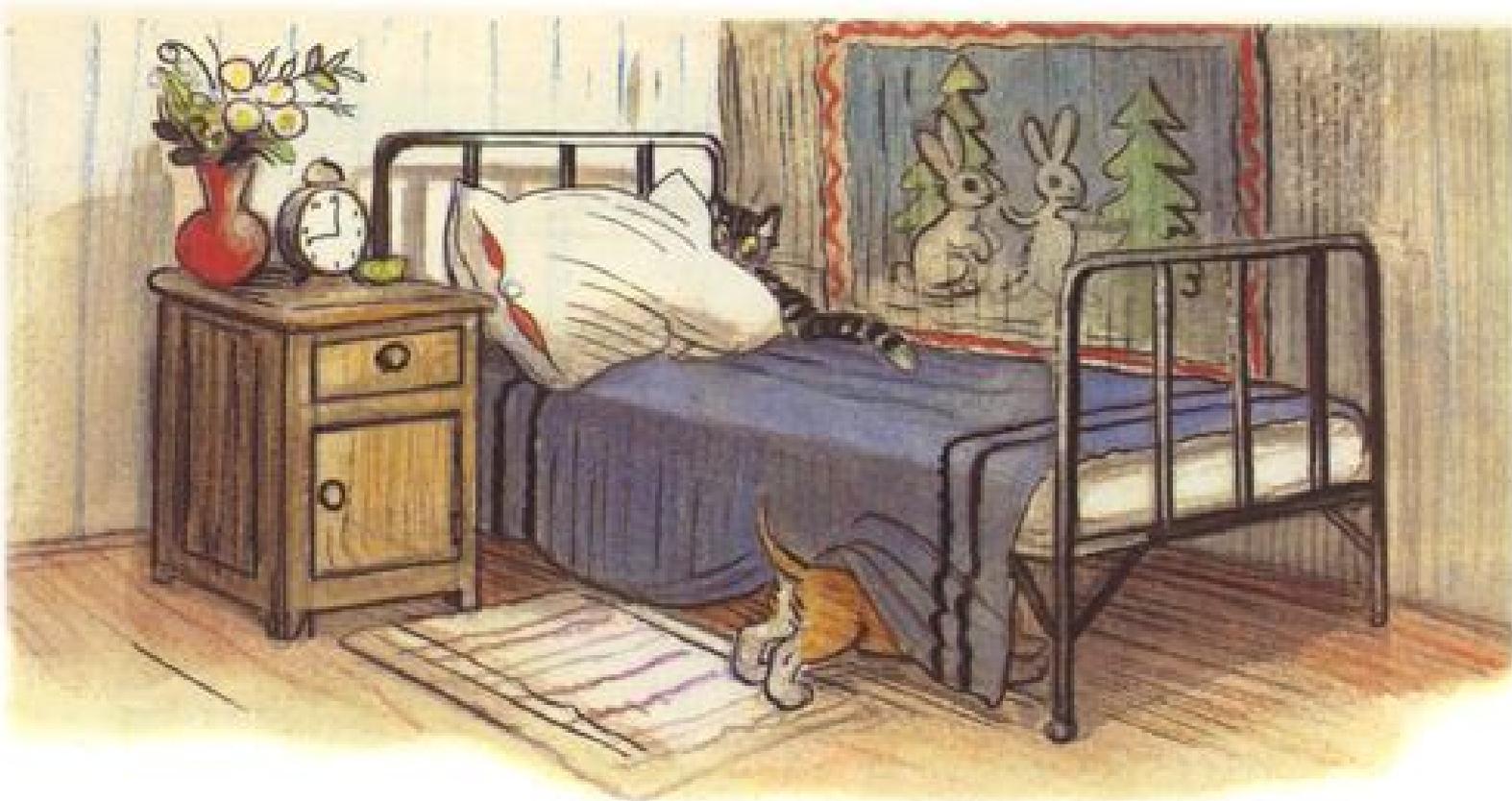
И тут кто-то опять сказал:

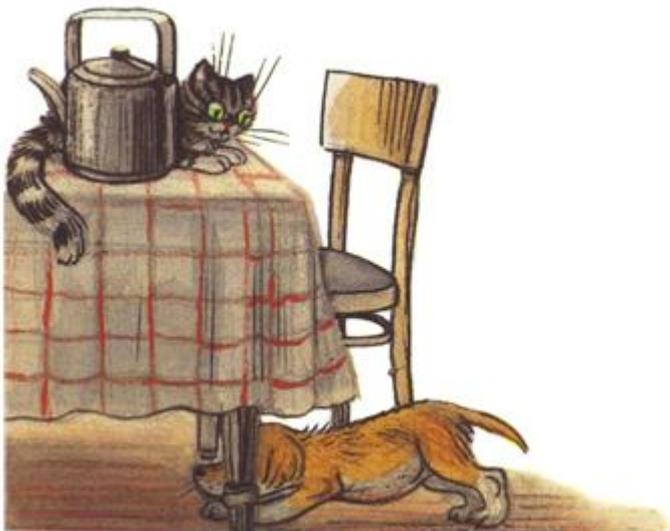
— Мяу!

— Кто там?

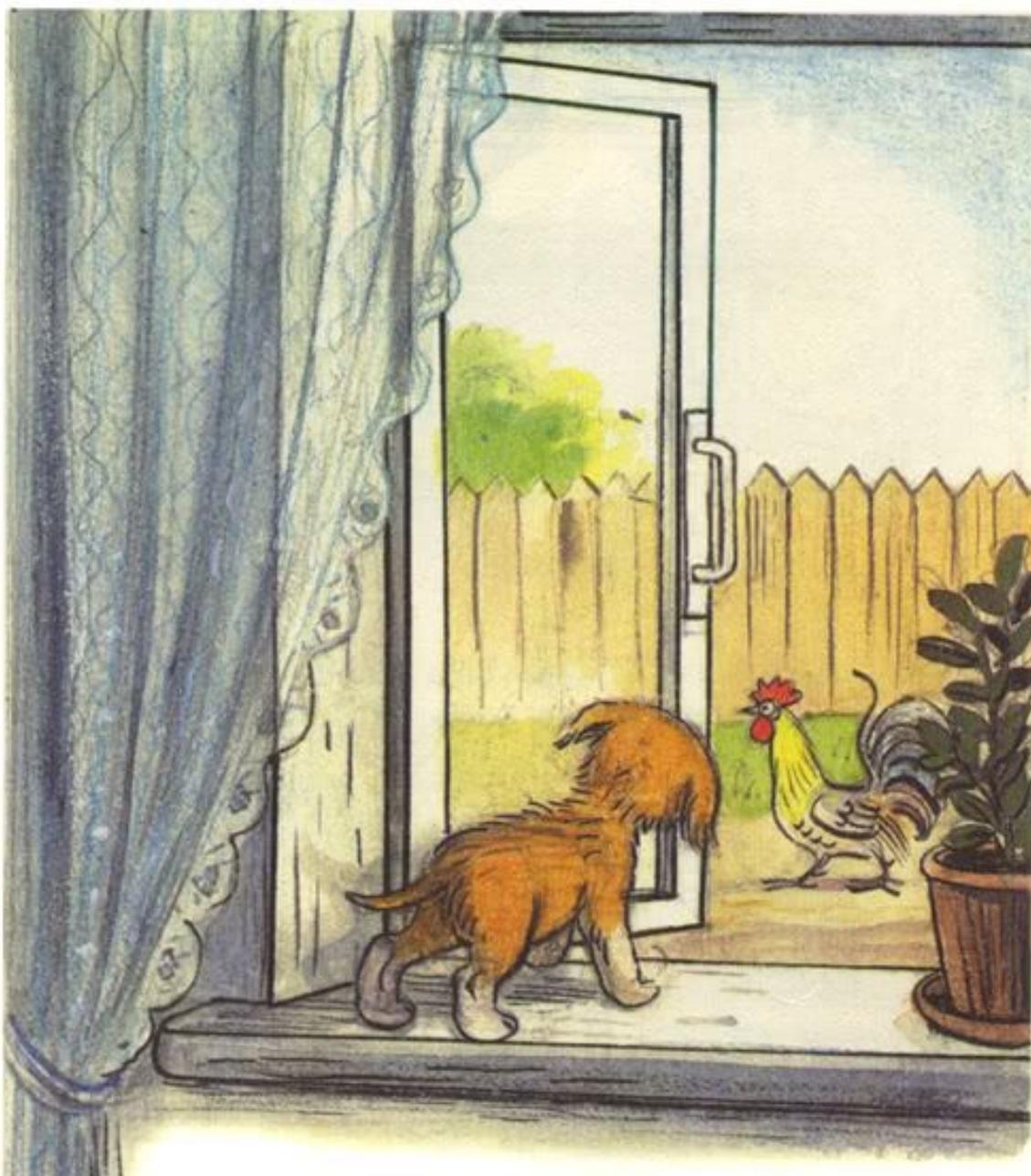

Вскочил Щенок, обежал всю комнату, заглянул под кровать, под стол — никого нет!

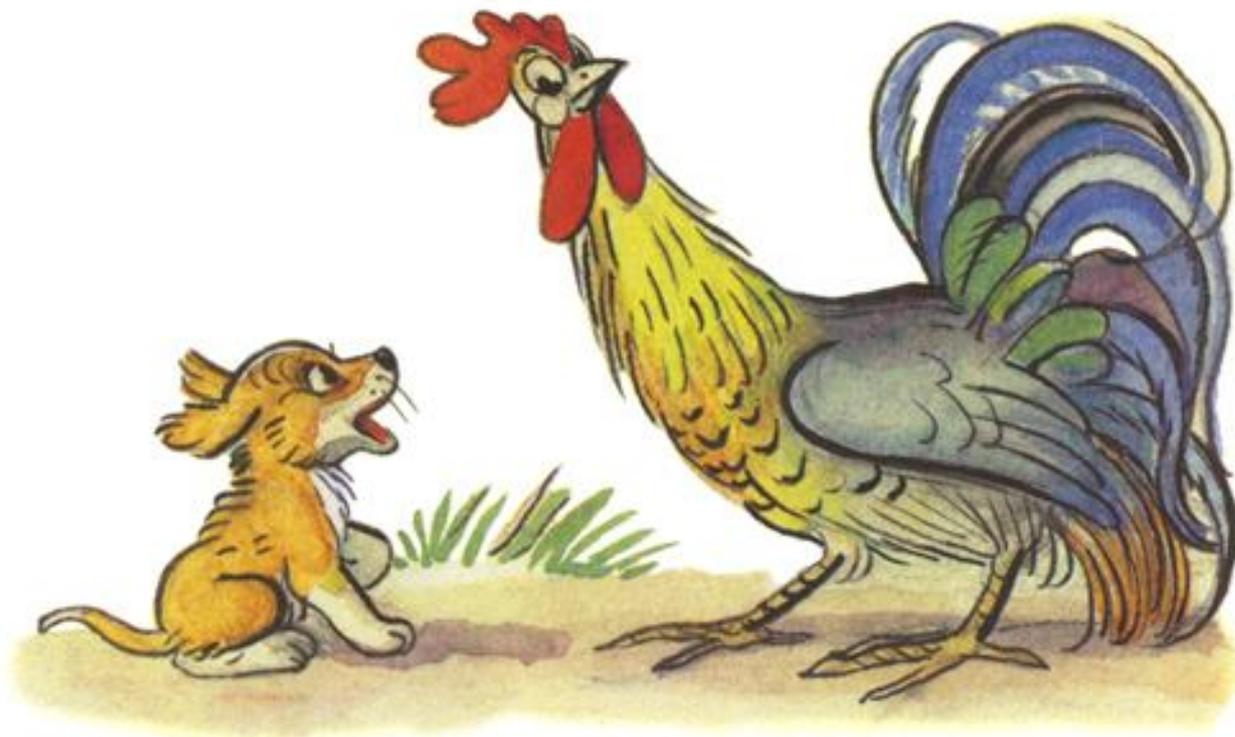

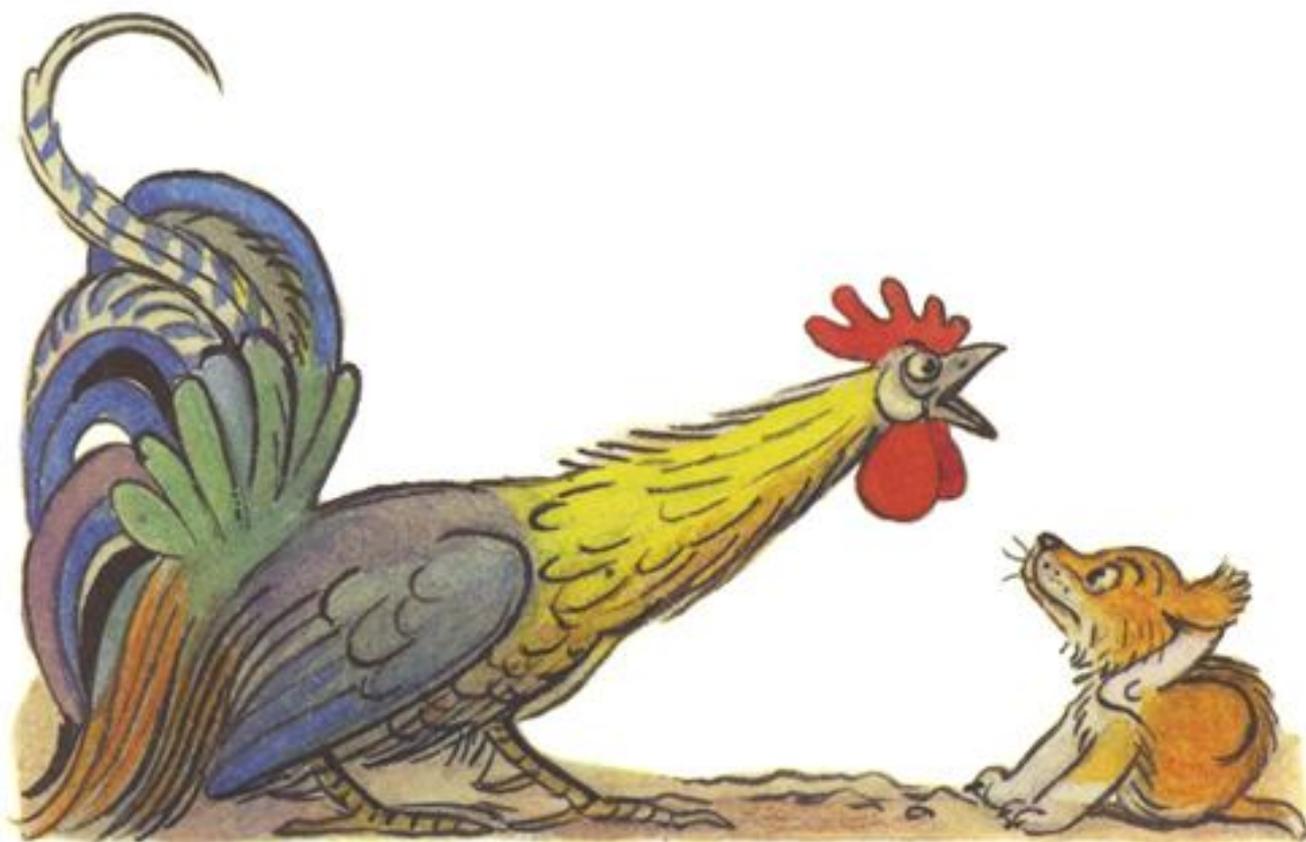
Влез на подоконник, увидел — за окном на дворе гуляет Петух.

«Вот кто не дал мне спать!» — подумал Щенок и побежал во двор к Петуху.
— Это ты сказал «мяу»? — спросил Щенок Петуха.

— Нет, я говорю... Петух захлопал крыльями и закричал: — Ку-ка-ре-ку-у-у!

— А больше ты ничего не умеешь говорить? — спросил Щенок.

— Нет, только «кукареку», — сказал Петух.

Щенок почесал задней лапкой за ухом и пошёл домой...

Вдруг у самого крыльца кто-то сказал:

— Мяу!

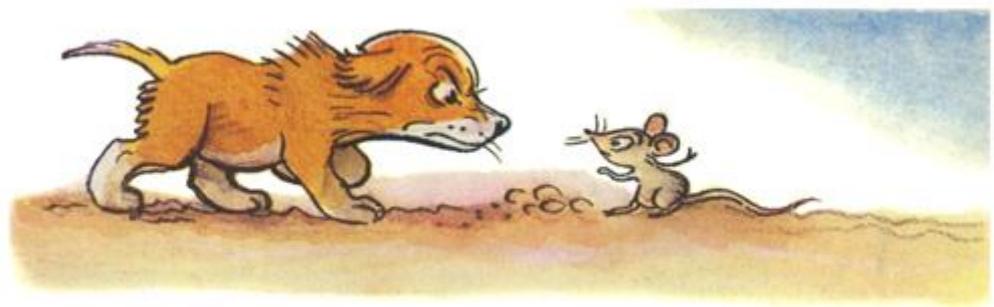
«Это тут!» — сказал себе Щенок и быстро начал рыть под крыльцом всеми четырьмя лапами.

Когда он вырыл большую яму, оттуда выскочил маленький серый Мышонок.

— Ты сказал «мяу»?— строго спросил его Щенок.

— Пи-пи-пи,— запищал Мышонок. — А кто так сказал?

— Кто-то сказал «мяу»...

— Близко?— заволновался Мышонок.

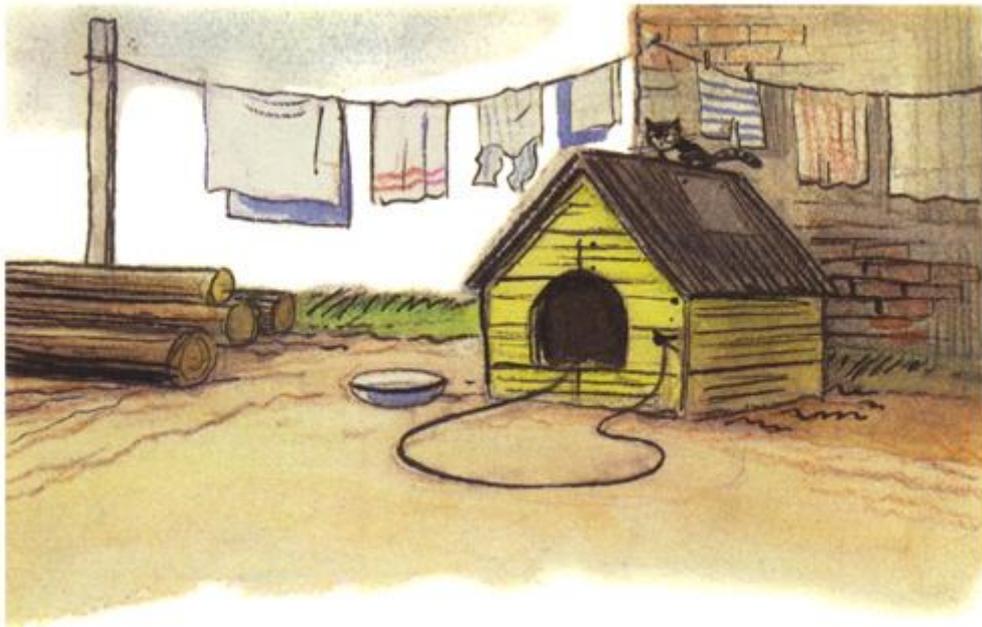
— Вот здесь, совсем рядом,— сказал Щенок.

— Мне страшно! Пи-пи-пи!— запищал Мышонок и юркнул под крыльцо.

Щенок задумался.

Вдруг около собачьей конуры кто-то громко сказал:

— Мяу!

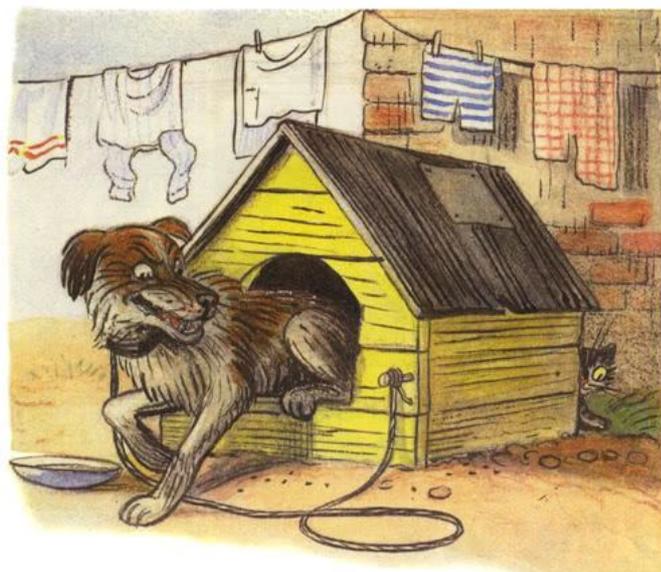

Щенок обежал вокруг конуры три раза, но никого не нашёл. В конуре кто-то зашевелился...

«Вот он!— сказал Щенок.— Сейчас я его поймаю...» Он подкрался поближе...

Навстречу ему выскочил огромный лохматый Пёс.

— Р-р-р-р!— зарычал Пёс.

— Я... я хотел узнать...

— Р-р-р-р!

— Это вы сказали... «мяу»?— прошептал Щенок, поджимая хвостик.

— Я? Ты смеёшься, Щенок!

Со всех ног бросился Щенок в сад и спрятался там под кустом.

И тут, прямо над его ухом, кто-то сказал:

— Мяу!

Щенок выглянул из-под куста. Прямо перед ним, на цветке, сидела мохнатая Пчела.

«Вот кто сказал «мяу»!— подумал Щенок и хотел схватить её зубами.

— З-з-з-з!— прожужжала обиженная Пчела и больно ужалила Щенка в кончик носа.

Завизжал Щенок, побежал, а Пчела за ним!

Летит и жужжит:

— Уж-ж-жалю! Уж-ж-жалю!

Подбежал Щенок к пруду — и в воду!

Когда он вынырнул, Пчелы уже не было.

И тут опять кто-то сказал:

— Мяу!

— Это ты сказала «мяу»?— спросил мокрый Щенок Рыбу, которая проплывала мимо него.

Рыба ничего не ответила, махнула хвостом и исчезла в глубине пруда.

— Ква-ква-ква!— засмеялась Лягушка, сидевшая на листе лилии.— Разве ты не знаешь, что рыбы не говорят?

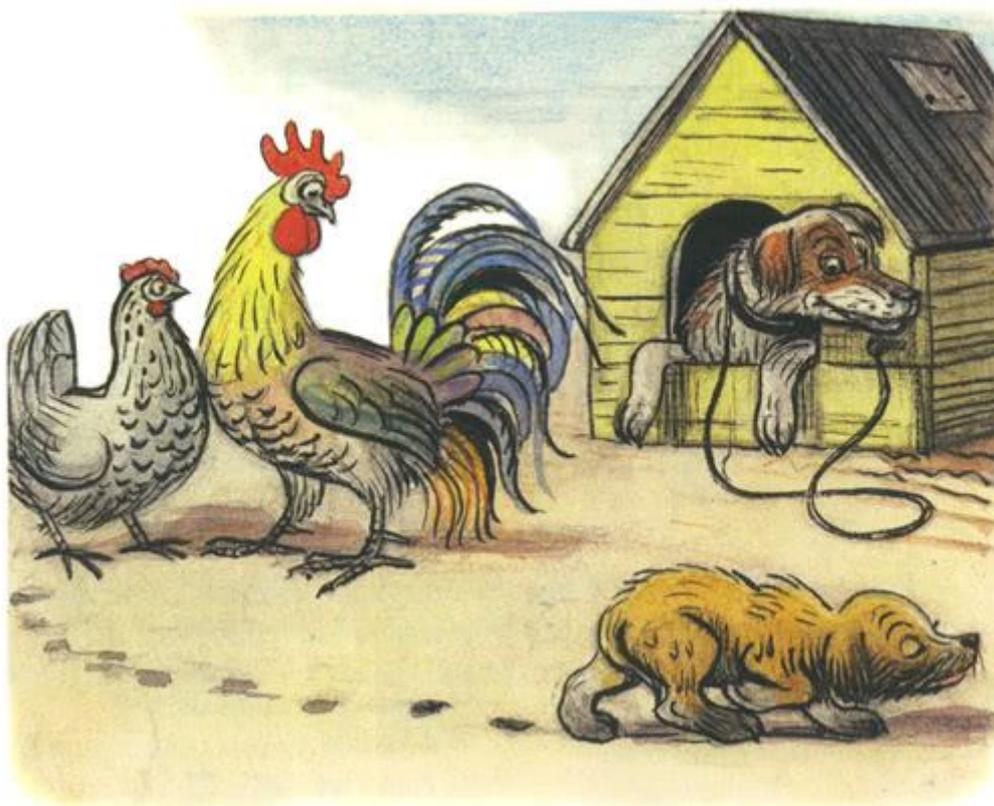
— А может быть, это ты сказала «мяу»?— спросил Щенок Лягушку.

— Ква-ква-ква!— засмеялась Лягушка.— Какой ты глупый! Лягушки только квакают.

И прыгнула в воду...

Пошёл Щенок домой мокрый, с распухшим носом.

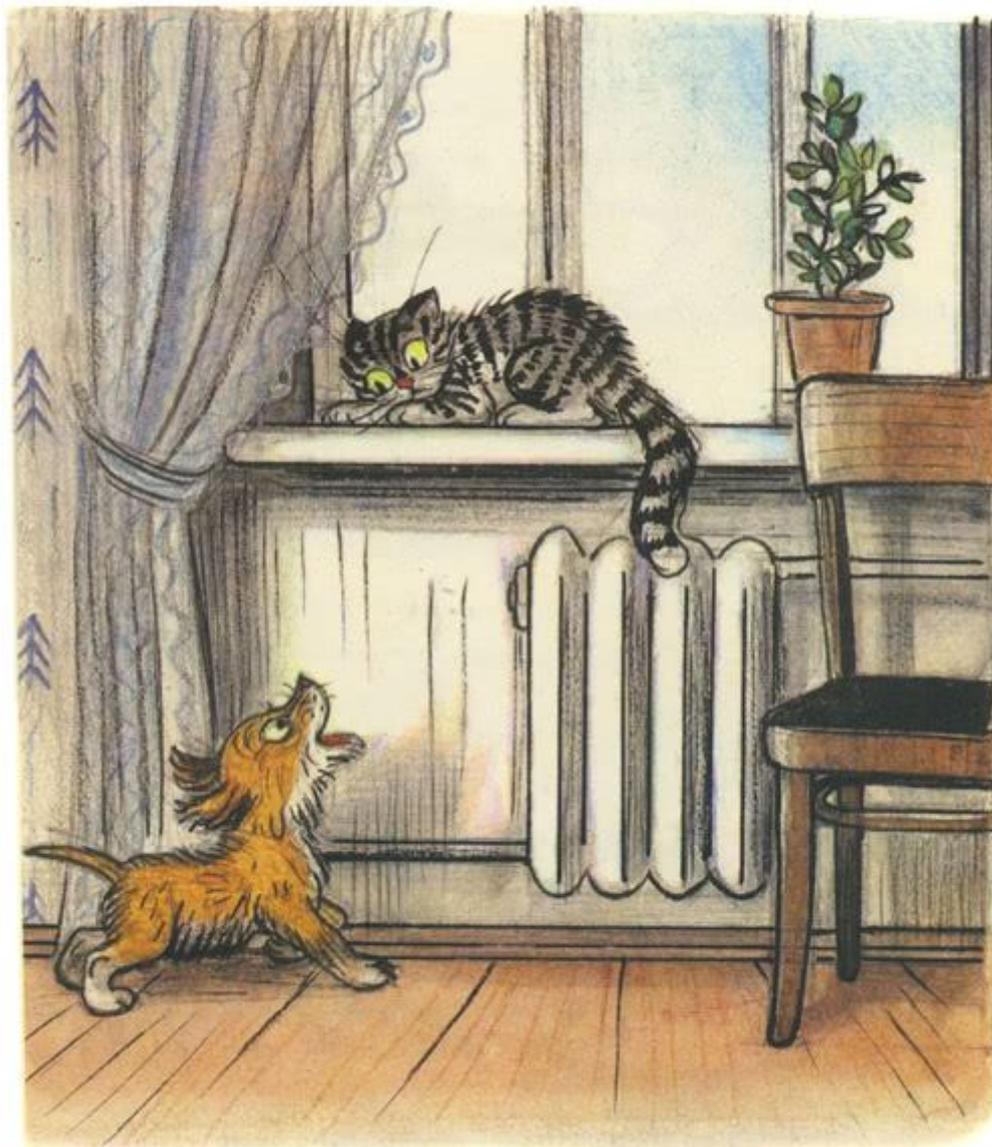
Грустный, улёгся он на коврике около дивана.

И вдруг услышал:

— Мяу!!!

Он вскочил — на подоконнике сидела пушистая полосатая Кошка.

— Мяу!— сказала Кошка.

— Ав-ав-ав!— залаял Щенок, потом вспомнил, как рычал лохматый Пёс, и зарычал: — Р-р-р-р!

Кошка изогнулась, зашипела: «Ш-ш-ш!», зафыркала: «Фыр-фыр-фыр!» — и выпрыгнула в окно.

Вернулся Щенок на свой коврик и улёгся спать.
Он теперь знал, кто сказал «мяу».

«Кроха» Москвина М.Л.

Когда я была маленькой, три года назад, моим соседям — Дане и Митьке — папа привез из пустыни Каракумы черепашонка. Я таких маленьких черепах никогда не видела. Он на Митькиной ладошке целиком помещался. Панцирь у него был мягкий, коготки на запятые похожи, нос приплюснутый, голова, лапы, хвост — в чешуйках, глаза черные, как у нашего пуделя Чипса.

Чипс очень удивился, когда ему черепашонка показали.

Понюхает-понюхает — и на нас смотрит: это еще кто такой!

Черепашонок сначала струсил и спрятался в панцирь — одни коготки торчали. Чипс ему, наверное, показался чудовищем. Потом расхрабрился и пошел вперевалочку на Чипса. Тот отскочил и залез под кровать.

— Вот это кроха! — сказал Даня.

Так и назвали черепашонка — Кроха.

Ел Кроха все подряд — капусту, петрушку, сушеный клевер, укроп, морковь, яблоки. Поест — и бродит по квартире, пока нос не становится пушистым от налипших пылинок.

— Очень вредно, когда нос в пыли! — сказал Митька и построил Крохе из кубиков дом.

Там было много входов и выходов. Крохе это нравилось. Еще ему нравилось, когда Митька играл на пианино «Собачий вальс». Но больше всего Кроха любил ездить в открытом товарном вагоне на поезде по игрушечной железной дороге. Встанет на задние лапы, а передними на бортик опирается.

— Ту-ду-ду-у! — кричит Митька. — Чух-чух-чух! Поезд отправляется!

Едет поезд мимо игрушечных домов и бумажных деревьев. Кроха шею вытянет и вертит во все стороны головой, как иностранный турист.

Прошла зима. И вдруг с Крохой что-то случилось. Дают ему есть — не ест. Молока наливаем — отворачивается. Забьется в угол, голову втянет, но не спит — все думает о чем-то своем с открытыми глазами.

— Заболел, — решил Даня.

Митька положил черепашонка в варезку, и мы понесли его в ветеринарную лечебницу. Там была очередь — кошка, собака, завернутый в платок попугай, серый кролик с забинтованной лапой,

из муфты выглядывала морская свинка. Все были хмурые и сидели тихо.

Когда мы вошли в кабинет, доктор вынул из варежки Кроху и поднес его к большой яркой лампе. Кроха даже не зажмурился.

— Значит, говорите, похудел? Не ест, не играет, не слушает музыку... — Доктор долго и внимательно смотрел на Кроху. — Ну что ж, все ясно. Это ностальгия.

— Что? — спросили мы хором.

— Нос-таль-гия! — повторил доктор и выключил лампу. — Что в переводе означает «тоска по родине». Откуда привезли черепаху?

— Из пустыни.

— Из Каракумов.

— Значит, скучает по пустыне.

— А когда он перестанет скучать? — спросил Митька.

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками доктор.

— А вы дайте ему какое-нибудь лекарство! — не сдавался Митька.

— От этой болезни лекарств нет, — сказал доктор. — И я ничем не смогу вам помочь...

С огромных сосуллек весело капала вода. Некоторые люди уже ходили без шапок. Начинался апрель! А мы шли и не знали, что делать.

— Слушайте, — сказала я. — Раз Крохе нужно домой...

— ...то давайте отправим Кроху в Каракумы! — закончил Даня.

— А Каракумы — это где? — спросил Митька, прижимая к себе варежку.

— Далековато, — сказал Даня. — Там, где Туркмения и Ашхабад. Только кто его туда повезет? Папа летом на Дальний Восток собирается.

— Но кому-то же надо сейчас в Ашхабад! — сказала я.

— Точно! — сказал Даня. — Поехали на вокзал!

— На аэровокзал! Самолетом быстрее.

У окошка рейса Москва-Ашхабад толпились пассажиры. Митька выбрал одного из них — серьезного, усатого, чем-то похожего на их папу.

— Дядя! — позвал его Митька.

— Вы меня? — удивился усатый.

— Вас! — сказали мы вместе.

Усатый подошел.

— Вот у нас тут в варежке черепашонок Кроха, — сказал Даня. — Возьмите его с собой.

— Зачем? — не понял усатый. — Я в Каракумы, там этих черепах полно!

— Понимаете, у него... ностальгия. Ему как раз тоже в Каракумы надо.

— Ну что ж, — покачал головой усатый, — надо так надо.

Он записал их адрес. Митька отдал ему варежку.

Потом мы видели, как он прошел в стеклянные двери, сел в автобус и уехал.

А через три дня пришла телеграмма:

***КАРАКУМАХ ЦВЕТУТ ТЮЛЬПАНЫ
САМОЧУВСТВИЕ ХОРОШЕЕ НЕ СКУЧАЙТЕ***

Кот-ворюга (К. Паустовский)

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста. Это был кот, потерявший всякую совесть, кот – бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей. Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота. Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями. Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нем было десять жирных окуней, пойманных на Прорве. Это было уже не воровство, а грабеж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу. Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл. Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу. Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью. Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз

нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота. Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления. Прошел час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем плотицу и закинул ее через лаз в подполье. Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щелканье – кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску, Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу. Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза. Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели, как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот- беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

– Что же нам с ним делать?

– Выдрать! – сказал я.

– Не поможет, – сказал Ленька. – У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить, как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза. Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану. Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами. После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке. Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать. На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный

поступок. Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу. Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол. Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный «Горлачом». Кот несся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу. После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел. С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти. Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

С. Аксаков. Сурка

Один раз, сидя на окошке, услышал я какой-то жалобный визг в саду. Мать тоже его услышала. Когда я стал просить, чтобы послали посмотреть, кто это плачет, что «верно, кому-нибудь больно», - мать послала девушку, и та через несколько минут принесла в своих пригоршнях крошечного, ещё слепого, щеночка, который, весь дрожа и нетвёрдо опираясь на свои кривые лапки, тыкаясь во все стороны головой, жалобно визжал.

Мне стало так его жаль, что я взял этого щеночка и закутал его своим платьем. Мать приказала принести на блюдечке тёпленького молочка, и после многих попыток, толкая рыльцем слепого кутёнка в молоко, выучила его лакать. С этих пор щенок по целым часам со мной не расставался, кормить его по несколько раз в день сделалось моей любимой забавой. Его назвали Суркой, он сделался потом небольшою дворняжкой и жил у нас семнадцать лет, разумеется, уже не в комнате, а на дворе, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мне и к моей матери.

Котёнок

Толстой Лев Николаевич

Были брат и сестра – Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти.

Один раз они играли подле амбара и услышали – над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла и всё спрашивала:

– Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

– Нашёл! Наша кошка... и у неё котят; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит:

“Назад, назад!” – и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак.

Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася, что было духу, пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему.

Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Слепая лошадь.

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета. А в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

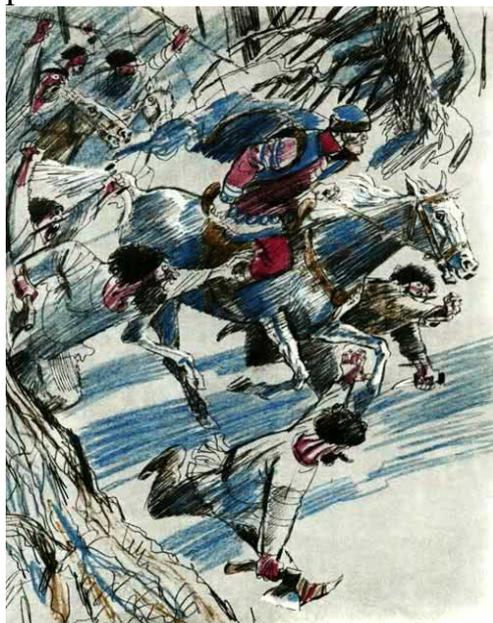
Уседом был очень богат и жил роскошно. Может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время. А сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра. Так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес.

Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен. Купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках. Трое были на лошадях, двое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

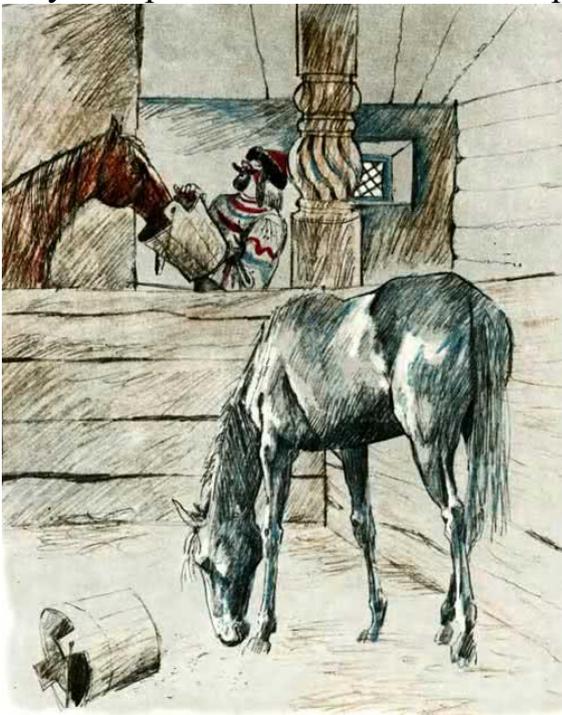
Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почувяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня?

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена ключьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошастью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

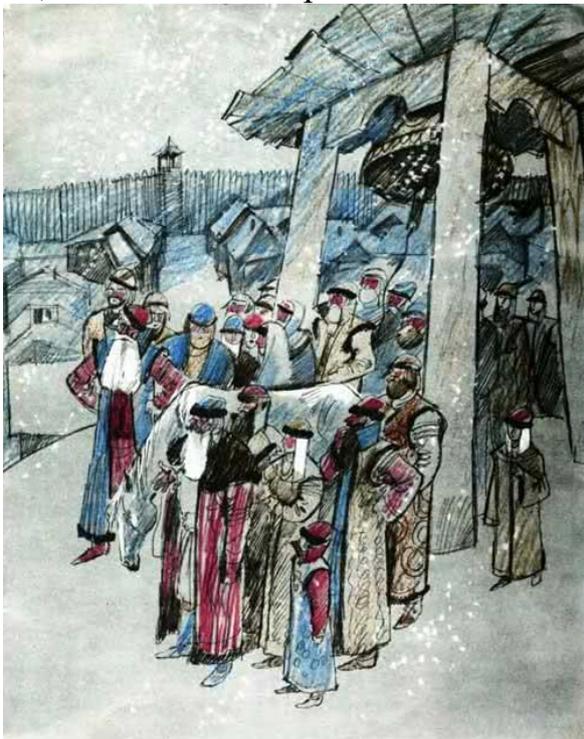
Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере.

Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепому коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте, но наконец голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клочок соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать. Колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина - и удивились, увидя посреди площади бедного коня - слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца. И, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади.

*Парча (от персидского «ткань, материя») – тяжёлая ткань из шёлка с узором, выполненным металлическими нитями с золотом, серебром или их сплавами с другими металлами.

«Косточка» Толстой Л.Н.

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

онлайн-читать.рф

В. Ю. Драгунский «Сестра моя Ксения»

Один раз был обыкновенный день. Я пришел из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

– Скучаешь?

Я ответил:

– Да нет... Так... А когда же наконец мама придет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

– Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками.

Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

– А в чем дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издали и объявил:

– Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу ее встречать, а ты прибери комнату и дожидайся нас! Договорились?

Я мигом соскочил с окна:

– Конечно, договорились! Ура! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Минута – и готово! Наведу шик и блеск! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал – это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина, – называется штиль, а мы, матросы, делаем свое дело.

– Раз, два! Ширк-шарк! Стулья по местам! Смирно стоять! Веник-совок! Подметать – живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас же! Так!

Обед! Слушай мою команду! На плиту, справа по одному «повзводно», кастрюля за сковородкой – становись! Раз-два! Запевай:

Папа только спичкой чирк! И огонь сейчас же фырк!

Продолжайте разогреваться! Вот. Вот какой я молодец! Помощник!
Гордиться нужно таким ребенком! А когда вырасту, знаете кем буду? Я буду – ого! Я буду даже ого-го! Огогугаго! Вот кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он уже вернулся и весь был взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр, и дирижера этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

– Дзум-дзум! – выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

– Пыйхь-пыйхь! – поддавали жару медные тарелки.

Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

– Здравствуй, мой мальчик! Как ты тут поживал без меня?

Я сказал:

– Я скучал без тебя.

Мама сказала:

– А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

– Самолет?

Мама сказала:

– Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне сверток. Я взял его.

– Что это, мама? – спросил я.

– Это твоя сестренка Ксения, – все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал ее на руках изо всех сил.

- Дзум-бум-трум, – неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной. Его оркестр все еще гремел.

– Внимание, – сказал папа дикторским голосом, – мальчику Дениске вручается сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток – пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

– А на кого она похожа?

– На тебя, – сказала мама.

– А вот и нет! – воскликнул папа. – Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие детки в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень с писаной торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

– Осторожно, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

– Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

А папа сказал:

– Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксенька, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно.

Папа сказал:

– Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестренку в комод. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

И вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комод и ожидала купания. Она видно волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

– А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, – действовала папина лесть.

Но когда стали купать, у нее такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку, и она пяткой поискала и нашла дно, оперлась и только тогда немного успокоилась, лицо стало чуть поровней, не такое несчастное, и она позволила себя поливать, но все-таки еще сомневалась, вдруг папа даст ей захлебнуться...

Е.А.Благинина «Посидим в тишине»

Мама спит, она устала...

Ну и я играть не стала!

Я волчка не завожу,

А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,

Тихо в комнате пустой.

А по маминой подушке

Луч крадется золотой.

И сказала я лучу:

– Я тоже двигаться хочу!

Я бы многого хотела:

Вслух читать и мяч катать,

Я бы песенку пропела,

Я б могла поохотать,

Да мало ль я чего хочу!

Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,

А потом скользнул ко мне.

– Ничего, – шепнул он будто, –

Посидим и в тишине!

В. Сухомлинский Самые ласковые руки

Маленькая девочка приехала с мамой в большой город. Пошли они на базар. Мама вела дочку за руку. Девочка увидела что-то интересное, от радости захлопала в ладоши и потерялась в толпе. Потерялась и заплакала.

– Мама! Где моя мама?

Люди окружили девочку и спрашивают:

– Как тебя зовут, девочка?

– Оля.

– А как маму зовут? Скажи, мы ее сейчас же найдем.

– Маму зовут... мама... мамочка...

Люди улыбнулись, успокоили девочку и снова спрашивают:

– Ну, скажи, какие у твоей мамы глаза: черные, голубые, синие, серые?

– Глаза у нее... самые добрые...

– А косы? Ну, волосы какие у мамы черные, русые?

– Волосы... самые красивые...

Опять улыбнулись люди. Спрашивают:

– Ну, скажи, какие у нее руки... Может быть, какая-нибудь родинка у нее на руке есть, вспомни.

– Руки у нее... самые ласковые.

И объявили по радио:

«Потерялась девочка. У ее мамы самые добрые глаза, самые красивые косы, самые ласковые в мире руки». И мама сразу же нашлась.

Картотека загадок, пословиц и поговорок к теме «Семья»

Вся семья вместе, так и душа на месте.

Где в семье лад, там ребят хорошо растят.

Семья крепка ладом.

Семья в куче — не страшна и туча.

Согласную семью и горе не берет.

В семье разлад, так и дому не рад.

Не будет добра, коли в семье вражда.

Семья без детей — что цветок без запаха.

Семья сильна, когда над ней крыша одна.

В семье согласно, так идёт дело прекрасно.

Семейное согласие всего дороже.

В семью, где лад, счастье дорогу не забывает.

Вся семья вместе, так и душа на месте.

Согласье в семье — богатство.

В хорошей семье хорошие дети растут.

На что клад, коли в семье лад.

В семье и каша гуще.

Семья воюет, а одинокий горюет.

Земля без воды мертва, человек без семьи — пустоцвет.

Дерево держится корнями, а человек семьёй.

Намёки да пощёлки — семейные пороки.

Густая каша семьи не разгонит.

Пословицы на тему «Семья»

Полна хата детей, так и счастливо в ней.

Всякая пташка хлопочет — своего гнезда хочет.

Каково на дому, таково и самому.

Вместе тесно, а врозь скучно.

За общим столом еда вкуснее.

Для внука дедушка — ум, а бабушка — душа.

Есть родня, есть возня.

Дети родителям не судьи.

Изба детьми весела.

С ребятами горе, а без них — вдвое.

Мать о детях беспокоится, дети в степь смотрят.

При солнышке тепло, при матери добро.

Дитя хоть и криво, а отцу с матерью диво.

Маленькие дети — руки болят, большие дети — сердце.

Мед сладок, а ребенок еще слаще.

Материны глаза слепы.

У матери дочь и в тридцать лет дочурка.

У отца с матерью за пазухой и на морозе тепло.

Мать кормит детей, как земля — людей.

У матери на всё слёз хватит.

Родительское сердце — в детях, а детское — в камушке.

Мать праведна — ограда каменная.

Материнская молитва со дна моря вынимает.

Дитяtko — что тесто: как замесил, так и выросло.

К чему ребёнка приучишь, то от него и получишь.

Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается.

Оттого парень с лошади свалился, что отец криво посадил.

Ребенок без матери — что стол без скатерти.

Детушек воспитать — не курочек пересчитать.

Кто родителей почитает, тот век не погибает.

Отец и мать — священные слова.

Мать кормит детей, как земля — людей.

Наш петушок не нажил гребешок, а туда же — кукарекает.

Не тот отец-мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил.

Загадки на тему «Семья»

Без чего на белом свете
Взрослым не прожить и детям?
Кто поддержит вас, друзья?
Ваша дружная... (семья)

Это слово каждый знает,
Ни на что не променяет!
К цифре «семь» добавлю «я» —
Что получится? (Семья)

Кто милее всех на свете?
Кого любят очень дети?
На вопрос отвечу прямо:
— Всех милее наша... (мама)

Днем работает она,
Вечером она — жена,
Если праздник, она — дама,
Кто же это? — Моя... (мама)

Кто любимей всех на свете?
И за всю семью в ответе?
От зарплаты до зарплаты
Что б мы делали без... (папы)

Кто же трудную работу
Может делать по субботам? —
С топором, пилой, лопатой
Строит, трудится наш... (папа)

Кто любить не устает,
Пироги для нас печет,
Вкусные оладушки?
Это наша... (бабушка)

Кто всю жизнь работал,
Окружал заботой
Внуков, бабушку, детей,
Уважал простых людей?
На пенсии уж много лет
Нестареющий наш... (дед)

Кто веселый карапузик —
Шустро ползает на пузе?
Удивительный мальчишка —
Это младший мой... (братишка)

Кто любит и меня, и братца,
Но больше любит наряжаться? —
Очень модная девчонка —
Моя старшая... (сестренка)

Мамы старшая сестра —
С виду вовсе не стара,
С улыбкой спросит: «Как живете?»
Кто в гости к нам приехал? (Тетя)

Кто же с маминой сестрой
Приезжает к нам порой?
На меня с улыбкой глядя,
«Здравствуй!» — говорит мне... (дядя)

Бабушке — солнышко, дедушке — стих,
Много здоровья им на двоих!
Счастья желаем еще на два века,
С Днем пожилого вас... (человека)!

Угостит всегда вареньем,
Стол накроет с угощением,
Лада наша ладушка,
Кто? — Родная... (бабушка)

Он трудился не от скуки,
У него в мозолях руки,
А теперь он стар и сед —
Мой родной, любимый... (дед)

У кроватки (М. Цветаева)

– «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки...»
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.
– «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела...»
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.
– «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, – и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.
– «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...»
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.
– «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок...»
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

А.С.Пушкин

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.

«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.

А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,

Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,

Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.

Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;

И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.

Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;

Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —

Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,

Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились на тощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи

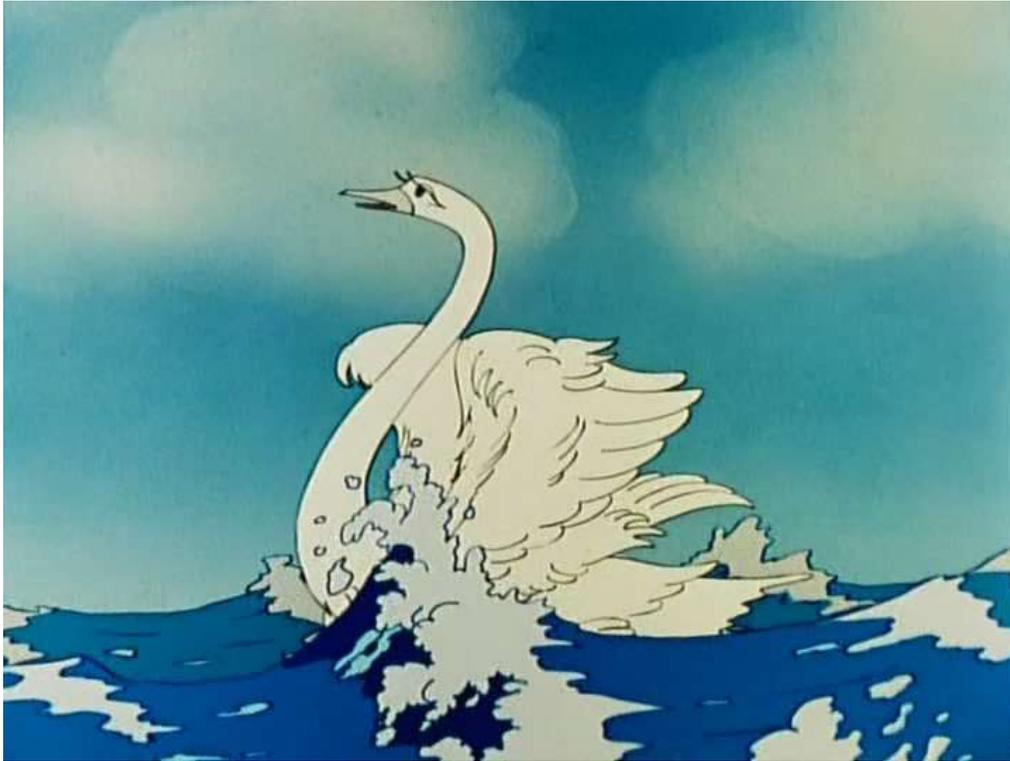
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».

Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;

И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,

На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,

Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;

Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».

Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —

Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завестъ
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду баает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —

Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,

По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,

Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»

Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?»

Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?»

И куда теперь поплывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и жужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге

Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
«Кто нас этим удивит?

329

Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».

Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!

Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
— А кого же на примете
Ты имеешь? — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.

Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.

Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушки своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах

Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит

И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь поплывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному дарю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.

И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».

Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,

И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...

В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;

Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Моя бабушка
Роберт Рождественский

Со мною бабушка моя,
И значит, главный в доме — я,
Шкафы мне можно открывать,
Цветы кефиром поливать,
Играть подушкой в футбол
И полотенцем чистить пол.
Могу я есть руками торт,
Нарочно хлопать дверью!
А с мамой это не пройдет.
Я уже проверил.

Поздравляем бабушек

И. Яворовская

Рюшечки и грядочки,
И капуста в кадочке,
Блинчики, оладушки —
Всё умеют бабушки.
Кто играет с внуками,
Ночью их баюкая,
Кто их учит "ладушкам"?
Всё они, всё бабушки.
Даже если захотеть,
Никому так не суметь.
Поздравляем бабушек —
Наших добрых лапушек!

Про бабушку
Вот, если я бабушкой буду,
Клянусь, никогда не забуду,
Что внучке, а может быть, внуку
Давать каждый день на обед:
Насыплю я в правую руку,
Насыплю я в левую руку,
И просто насыплю на блюдо,

Горой разноцветной, конфет!
Вот, если я бабушкой буду,
Клянусь, никогда не забуду,
Что внучку, а может быть, внука
Не стоит за двойки ругать.
А просто, развеивать скуку,
Отправлю к веселому другу
И дам посмотреть телевизор,
Подольше пуцу погулять.
Но бабушка, явно, забыла,
Что в детстве конфеты любила.
И, видно, одни лишь пятерки
Носила из школы она.
И к ней не ходила подружка,
И ей не шептала на ушко,
Что двоечник дедушка Коля
Заждался ее у окна.

Бабушкины варежки

Н. Красильников

В окна стучится холодная вьюга,
Бабушка варежки вяжет для внука.
Тёплые, добрые руки у бабушки,
Добрые, тёплые выйдут и варежки.
Выбежит утром на улицу внук
И ощутит теплоту её рук.

Для дедули

Мой дедушка любимый,
Ты в жизни мой кумир
Таким же- буду умным,
Прочту тьму книг до дыр!
Когда же стану старше
И вырасту большой,
Наверно, стану важный
И бизнесмен крутой!
Быть на тебя похожим

Хочу и всех любить!
Для внуков своих тоже
Хочу кумиром быть!

Про дедушку

Дедушка очень у нас деловой:
Ходит по дому, забыл про покой.
Бабушке он помогает весь день,
Делать ему это вовсе не лень.
То постоянно очки он теряет,
То разобьет что-то он, то сломает,
Вечно спешит, а устанет от дел,
Сядет с газетой — уже захрапел.

**Бабушка, ты тоже
Маленькой была?**

Алексей Плещеев

Бабушка, ты тоже
Маленькой была?
И любила бегать,
И цветы рвала?
И играла в куклы
Ты, бабуся, да?
Цвет волос какой был
У тебя тогда?
Значит, буду так же
Бабушкой и я, -
Разве оставаться
Маленькой нельзя?
Очень бабушку мою -
Маму мамину - люблю.
У нее морщинок много,
А на лбу седая прядь,
Так и хочется потрогать,
А потом поцеловать.
Может быть, и я такую
Буду старенькой, седою,
Будут у меня внучатки,
И тогда, надев очки,

Одному свяжу перчатки,
А другому - башмачки.

Про дедушку

Славный дедушка, родной,
Самый добрый, дорогой,
Поздравляем мы тебя,
Я и вся моя родня!
Ты, мой милый, не болей,
С каждым годом здоровей,
Чтобы ягоды с грибами
Мог легко ты собирать,
Стану старше я годами,
Буду тоже помогать!
Хоть и маленькая я,
Понимаешь ты меня.
И наверно потому
Больше всех тебя люблю

Про бабушку и дедушку

Опять те же самые мысли,
И как они там не устали?
Они в голове зависли:
Когда-нибудь буду старым...

А как это? Неприятно?
Мне страшно и непонятно...
А дедушка с бабушкой наши?
Наверно им тоже страшно?

Но дедушка с бабушкой добрые,
И ходят, всегда улыбаются,
И ходят – всё время бодрые,
Ремонтом всю занимаются:

И окна, и пол покрашены,
И новая дверь в прихожей...

Значит, быть старым не страшно!

Значит, быть старым можно!

(О. Бундур)

Про бабушку

Наталья Майданик

С бабушкой моей вдвоем
Очень дружно мы живем!
Вместе ходим мы гулять,
Вместе мы ложимся спать,
Вместе моем мы посуду -
Правда, правда! Врать не буду!
Мы не любим унывать,
Можем спеть и станцевать-
Будет бабушка мне хлопать,
Ну, а я – кружиться, топать!
Не капризничать стараюсь,
Слез не лью, а улыбаюсь -
С ней большие мы друзья,
Потому что мы – СЕМЬЯ!

Бабушкины годы

Ходит наша бабушка, палочкой стуча,
Говорю я бабушке: «Позову врача,
От его лекарства станешь ты здорова,
Будет чуть-чуть горько, что же тут такого.
Ты потерпишь чуточку, а уедет врач,
Мы с тобою, бабушка, поиграем в мяч.
Будем бегать, бабушка, прыгать высоко,
Видишь, как я прыгаю, это так легко».

Улыбнулась бабушка: «Что мне доктора,
Я не заболела, просто я стара,
Просто очень старая, волосы седые,
Где-то потеряла я годы молодые.
Где-то за огромными, за лесами темными,

За горой высокой, за рекой глубокой.
Как туда добраться, людям неизвестно».
Говорю я бабушке: «Вспомни это место!
Я туда поеду, поплыву, пойду,
Годы молодые я твои найду!»
(Дора Хайкина)

Моя бабушка не старушка

Я – Маша, и бабушка тоже.
Мы с бабушкой очень похожи.
Мы любим ватрушки и булки,
И песни во время прогулки.

Мы вместе на швейной машинке
Шьём платья для куклы Полинки.
И вместе её наряжаем,
И вместе её обожаем.

А если у нас именины,
Мы варим компот из малины.
И крепко целуем друг дружку
И дарим друг дружке игрушку.

Мы с бабушкой очень похожи,
Я – Маша, и бабушка тоже.
Она у меня не старушка,
А лучшая в мире подружка.
(П. Синявский)

Моя бабушка

Я уселась и сижу,
И гулять не выхожу,
Телевизор не включаю,
Отказалась я от чая,
Не хочу ни есть, ни спать -
Буду бабушку я ждать!

Почему же не пришла,
Может, срочные дела?
Может быть, она устала,
Прилегла и захворала?
Кто же даст больной таблетки,
Кроме добренькой соседки?

Может, помощь ей нужна,
Ведь живет она одна?
Все! Решила! Побегу,
Я сама ей помогу!
Вдруг, я слышу: тук- тук- тук!
Это в дверь бабулин стук!

Здравствуй, милая моя,
Обниму ее, любя!
Знает пусть весь белый свет,
Что родней бабули нет!

Бабушка

Почему у бабушки
Волосы, как снег,
А смеётся бабушка
Громче всех?

Почему у бабушки
На лице морщины,
А в лес пойдёт
И полные
Грибов несёт корзины?
А я пойду –
Как на беду,
Всего один грибок
Найду!

Почему у бабушки
На носу очки,
А она быстрее всех

Свяжет мне носки?

То полет наша бабушка,
То возится у печки,
У ней ладони твёрдые,
Сухие, как дощечки.

Так почему же всё-таки.
Скажите, в чём секрет?
Меня погладит бабушка, –
Ладоней мягче
Нет!
(И. Пивоварова)

Доброта

Мимо стульев, книг, игрушек,
Мимо рыжего кота,
Пухлых розовых подушек
Шла по дому доброта.

Шла по дому доброта,
Всех любя и всех жалея,
Даже старая тахта
Стала мягче и теплее.

Доброта неспешно шла,
Поправляя одеяло,
К детям тихо подошла –
Доброй песней укачала.

Платья, кофточки, рубашки
Наполнялись добротой,
В доброте купались чашки,
Дом светился красотой.

На поднос вскочили плюшки,
Чайник принялся плясать.

В старых часиках кукушка
Стала снова куковать!

Кто же, кто она такая
доброта? Скажу вам я:
Доброту я с детства знаю.
Это бабушка моя!
(Е. Раннева)

Мой дед

Мы с тобою, дед, друзья,
Куда ты, туда и я:
Вместе ходим на рыбалку,
Я бегом, а ты – вразвалку,

Собираем мы малину:
Ты – с куста, я – из корзины.
Вместе красили забор –
Руки в краске до сих пор!

Только ты, сомнений нет,
Самый лучший в мире дед!
(Л. Громова)

Мальчишка

Мой дедушка – он не старый
И бодрый имеет вид,
Да только, вот, ломит суставы,
К тому же спина болит.

Но если играть он станет,
За ним не угнаться мне –
Забудет и о суставах,
И о своей спине.

И я ему: – Ты не слишком,
Не надо со мной наравне. –
– Да это не я – мальчишка,
Который сидит во мне!
(О. Бундур)

Я к деду мчусь на выходные,

Елена Степанова

Я к деду мчусь на выходные,

Скучаю по нему,

И все дела мужские

С ним разделить хочу.

Его возьму я опыт,

Хозяйничать начну,

Как раньше, по старинке,

Спасибо, дед, скажу.

Он славный и любимый,

Мужчина хоть куда,

В глазах его лукавых

Огонь горит всегда.

Спасибо, что на свете

Такое счастье есть,

К нему спешу приехать,

Сказать: «Дедуль, я здесь!»

Как-то раз, поздней осенью, загрустила девочка Таня. Смотрит в окошко, а там ветер гуляет, потемневшую листву разметает. Небо мышиного цвета, солнышку не пробиться.

– Хватит, Танюша, грустить, – говорит мама. – Лучше соберись да сходи в гости к бабушке. Наша бабушка Пышка сегодня пышки-теплышки печёт, тебя в гости ждёт.

Собралась Танюша, оделась потеплее, да и пошла к бабушке в соседнюю деревню. Шла она, шла.

– Дай, – думает, – сокращу путь. Пробегу через лесок.

Вот бежит она по лесной тропинке, смотрит, под кусточком зайчик сидит, дрожит.

– Зайчик-зайчик, ты чего дрожишь? – спрашивает Таня.

– Холодно мне, вот и дрожу, – отвечает зайчик.

– А пойдём со мной, – говорит Таня, – в гости к моей бабушке. Она сегодня пышки-теплышки печёт, меня в гости ждёт. Поешь бабушкиных пышек, сразу согреешься.

– А твоя бабушка меня не прогонит? – спрашивает зайчик.

– Не прогонит, – улыбается Танюша. – Она у меня добрая.

Вот идут они вдвоём по лесной тропинке, смотрят под рябинкой лисичкой сидит, дрожит.

– Лисичка-лисичка, ты чего дрожишь? – спрашивает Таня.

– Холодно мне, вот и дрожу, – отвечает лисичка.

– А пойдём с нами, – говорит Таня, – в гости к моей бабушке. Она сегодня пышки-теплышки печёт,

меня в гости ждёт. Поешь бабушкиных пышек, сразу согреешься.

– А твоя бабушка меня не прогонит? – спрашивает лисичка.

– Не прогонит, – улыбается Танюша. – Она у меня добрая.

Вот идут они втроём по лесной тропинке, смотрят на осинке белочка сидит, дрожит.

– Белочка-белочка, ты чего дрожишь? – спрашивает Таня.

– Холодно мне, вот и дрожу, – отвечает белочка.

– А пойдём с нами, – говорит Таня, – в гости к моей бабушке. Она сегодня пышки-теплышки печёт, меня в гости ждёт. Поешь бабушкиных пышек, сразу согреешься.

– А твоя бабушка меня не прогонит? – спрашивает белочка.

– Не прогонит, – улыбается Танюша. – Она у меня добрая.

Вот идут они вчетвером по лесной тропинке. День поздней осенью короткий, что заячий хвостик.

Оглянуться не успели, стали сгущаться над лесом сумерки.

– Ой, – шепчет Таня, – как бы нам с пути не сбиться, как бы нам не заблудиться.

А белочка, недолго думая, прыг на одну ветку, прыг на другую. Смотрит Танюша, а она уже на макушке самого высокого дерева сидит и оттуда кричит:

– Не заблудимся! До бабушкиного дома лапкой подать!

И правда, прошли они ещё немного, смотрят, в бабушкиной избушке огонёк горит, из трубы дым идёт. Распахнулась дверь, вышла на порог сама бабушка Пышка.

– Заходите, мои дорогие! Садитесь за стол, буду вас чаем поить, пышками-теплышками кормить.

Поставила бабушка на стол самовар да блюдо с тёплыми пышками.

Танюша и её друзья пышек поели, чаю попили, сразу повеселели. Стали в игры играть, песни да танцами бабушку развлекать. Бабушка Пышка не устояла, вместе со всеми пела да танцевала. Потом спать всех уложила, одеялом тёплым укрыла, стала сказки сказывать. Тёплые-тёплые, добрые-добрые, волшебные-преволшебные.

Засыпает Танюша, засыпают лесные зверушки, каждый думает:

– Не такая уж она и мрачная эта поздняя осень. Не такая уж она и холодная. Особенно, когда рядом друзья, бабушка и пышки-теплышки.

Э. Шим "ПЕТУХ И НАСЕДКА"

Во дворе наседка водит за собою цыплят.

Она теперь не просто курица. Она мамаша большого семейства. И очень изменилась, когда стала мамашей.

Была щупленькая и гладкая, а теперь растопорщилась, распушилась. Вдвое себя толще.

Выла робкая и тихая, а теперь стала отчаянной. На кошку бросается. Собаку от цыплят отгоняет.

Приблизился было к цыплятам петух, главный куриный начальник. У него хвост фонтаном, у него борода, у него красные серьги. Изогнутые шпоры на лапах.

Этот петух никогда и людей-то не боялся. Орёл!

А тут приблизился к цыплятам. И моргнуть не успел, как налетела наседка да клювом его — тюк, тюк, тюк!

Присел петух на свои шпоры, квакнул совсем по-лягушачьи:

«Куа-а-ак!..»

И стремглав под забор.

М. Д. Яснов

ЖИЛА-БЫЛА СЕМЬЯ

Жила-была семья:
Спешили, семеня,
По следу мамы Утки
Три радостных малютки.

Жила-была семья:
Весь день спала Свинья,
Лежали с ней в закутке
Три радостных малютки.

Весело утята
В речку заплывали.
С визгом поросята
Жиром заплывали.

В речке было чисто,
А в закутке - грязно.
Каждый жил, как хочет, -
Это так прекрасно!

Екатерина Нефёдова

Сказка «Как бытовые приборы в магазине поссорились»

Мы привыкли считать, что вещи не умеют разговаривать, думать и чувствовать, потому что они не живые. Но если бы появился волшебник и оживил их, то предметы могли бы рассказать о себе много интересного. Представим, что такой чародей посетил обыкновенный магазин бытовой электротехники. Он взмахнул волшебной палочкой, и все электроприборы обрели дар речи.

Первой заговорила Электроплита:

Я - самый нужный людям электроприбор! Я главная на кухне: если бы меня не было, на чем бы человек готовил еду?

Микроволновая печь быстро перебила Электроплиту:

- Зато я разогреваю продукты в несколько раз быстрее!

На это Холодильник сердито пробурчал:

- Чтобы приготовить пищу, ее надо сохранить! Не будь меня, где бы люди хранили молоко, мясо, рыбу и другие скоропортящиеся продукты?

Услышав разговор, Стиральная машина зашумела:

- Что вы все о еде да о еде! Я забочусь об одежде людей, стираю, полощу, отжимаю. Благодаря мне, хозяйка не устает от стирки.

- А я глажу белье! - зашипел Утюг, сердито выпуская пар.

Пылесос, вытянув свой длинный шланг, похожий на хобот слона, загудел:

- Я тоже забочусь о чистоте, без меня человеку нелегко было бы убрать пыль и грязь в квартире!

Красавица-люстра, надменно взглянув с высоты, промолвила:

- Больше всех нужна человеку я! Я освещаю комнаты!

Услышав ее, Вентилятор прострекотал:

- Да ты нужна только когда темно, а при ярком дневном свете без тебя вполне можно обойтись, а я в жару готов работать днем и ночью!

- Зато, когда холодно, тебя не включают! - возразил ему Электрообогреватель.

- А я согреваю людей в морозы!

- Вы оба не нужны, если человек купит меня! - важно сказал Кондиционер.

- Я регулирую температуру в помещении. Если жарко - я охлаждаю воздух, если холодно - согреваю!

Затем в спор вступили Радиоприемник и Телевизор:

- А мы передаем и показываем новости, передачи, фильмы, концерты, без нас человеку было бы скучно!

- А мы записываем то, что человек видит и слышит, - заговорили в один голос Магнитофон и Видеоманитофон. - А потом он может нас прослушать и просмотреть!

- Да что бы люди делали без меня! — воинственно зазвенел Телефон.

- Только благодаря мне люди могут разговаривать друг с другом за сотни и тысячи километров!

Электроприборы настолько разгорячились, доказывая друг другу, кто самый нужный, что некоторые из них даже начали дымиться. Видя это, мудрый

Компьютер, который до этого молчал, качая своим монитором, как головой, наконец, заговорил твердым и спокойным голосом:

А теперь, уважаемые электроприборы, замолчите и успокойтесь, а не то перегреетесь и не сможете работать - тогда вы точно не будете нужны людям! Зря вы затеяли этот глупый спор. Ведь нас называют приборами, а приборы - это сложные и умные устройства, сродни машинам. Из-за того, что мы питаемся электричеством, нас называют электроприборами. И каждый электроприбор выполняет свою работу.

Одни освещают помещения и улицу, они называются осветительными приборами. К ним относятся уличные фонари, люстры, торшеры, настольные лампы и так далее. Другие приборы созданы для того, чтобы обогреть, очистить или охладить воздух, это электрообогреватель, вентилятор и кондиционер. Третьи нужны человеку для того, чтобы облегчить ему домашний труд, например, пылесос, стиральная машина, электроплита, кухонный комбайн и другие. А вот телевизор, радиоприемник, магнитофон, телефон или компьютер служат для того, чтобы нести, передавать и записывать информацию.

- Да-а! - воскликнул Пылесос. - Сложно определить, какой прибор важнее - все мы в той или иной степени нужны человеку!

- А почему нас называют бытовыми электроприборами, что значит «бытовые»? — спросила Стиральная машина, на что Компьютер ей ответил:

- Хороший вопрос! Слово «бытовые» происходит от слова «быт», что означает - «повседневная жизнь». Мы помогаем человеку в его повседневной жизни, отсюда и название «бытовые электроприборы».

- Поняли, все поняли! - радостно затараторили в один голос Радиоприемник, Телевизор и Магнитофон.

- Что вы поняли? - пробурчал Холодильник.

- Поняли, что такое бытовые электроприборы!

- Ну и что же? - не унимался Холодильник.

- Бытовые электроприборы - это сложные устройства, которые питаются электричеством и помогают человеку в его повседневной жизни! — громко и четко ответил Радиоприемник, и с ним согласились остальные приборы.

- Правильно! - одобрил Компьютер - Теперь, я надеюсь, мы больше не будем ссориться. Главное, чтобы в розетках и батарейках всегда был электрический ток, потому что электричество - это наше питание, наша жизнь, а без него электроприборы - никому не нужная груда железа! Но стоит нас включить в сеть - и мы начинаем делать свою работу, полезную людям!

Мария Шкурина

«Сказка про дом, который любил чистоту и уют»

Жил-был Дом. Это был очень красивый, весёлый и приветливый Дом. Вот только в Доме не было хозяев и Дом ждал, когда же они наконец появятся. Наконец-то этот день настал! В Дом поселилась целая семья: мама, папа и мальчик! Как же рад был Дом, как он мечтал о том, как дружно они будут жить вместе. — Я буду помогать им, буду защищать их от бед и ненастья, а они будут обо мне заботиться — думал он. Вот наконец-то семья въехала в Дом, расставила мебель, разложила по местам вещи, игрушки. И жизнь потекла. Только, вот, к сожалению, совсем не так, как представлял её себе Дом. В первый же вечер перед тем, как пойти спать мальчик разбросал свои игрушки по всему дому, он даже не обратил внимания на то, что родители попросили его убрать за собой после игры. Это продолжилось и на следующий день. Книги, игрушки, карандаши теперь были разбросаны повсюду. Дом нахмурился. Он не знал, что ему предпринять. Прошло ещё несколько дней, и Дом понял, почему мальчик не хотел убирать за собой. Он просто делал то же самое, что и его родители. Папа везде оставлял свои вещи, мама часто забывал помыть посуду. А уж о том, чтобы вымыть полы

или окна и речи не было! Дому было очень грустно, он ведь так хотел сделать жизнь своих хозяев счастливой, а они совсем не хотели помогать ему и проявить немножко заботы. — Разве в таком грязном доме люди могут быть счастливы?! — думал он, — Нет, не нужны мне такие хозяева. Лучше самому. Вот и решил дом выгнать эту семью. Для этого он стал гудеть по ночам. Вот так, тихонько: — Уууууууууууууу..... Гудел он несколько дней подряд. Семья подумала, что в Доме живут приведения. Они собрали свои вещи и уехали. Правда, Дому всё равно было очень и очень грустно. Поэтому он совсем не обрадовался, когда через несколько дней в него въехала другая семья: мама, папа и девочка. Мама с девочкой вымыли полы и окна, повесили разноцветные занавески, поставили горшки с цветами. Дому это так понравилось, что он улыбнулся, и настроение его сразу улучшилось. Перед тем, как ложиться спать, девочка убрала все свои игрушки, а потом мама читала ей интересные сказки. Дом с удовольствием слушал сказки. Как же они ему понравились! И снова жизнь потекла своим чередом. Новые хозяева очень заботились о доме, убирали его. Девочка всегда раскладывала по местам свои вещи, книги и игрушки. А ещё, она помогала маме: вытирала пыль, подавала прищепки и многое другое. Когда семья возвращалась домой в плохом настроении, Дом делал всё возможное, чтобы им становилось веселей. И семья очень любила Дом и была в нём счастлива. Дому было так приятно, что временами он даже начинал петь: Как хорошо мы все живём, Хорошие люди и их милый дом. Уют и счастье, и доброта. Тара-та-та, тара-та-та. Только он пел тихо-тихо, чтобы хозяева не услышали его и не испугались. Ведь это были самые лучшие хозяева на свете. А он был — самый счастливый Дом!

Т.И.Александрова «Домовенок Кузя»

Часть первая «Кузька в новом дома»

Под веником кто - то был. Девочка взяла веник да так и села на пол – до того испугалась. Под веником кто-то был! Небольшой, лохматый, в красной рубаше, блестит глазами и молчит. Девочка тоже молчит и думает:

«Может, это ёжик? А почему он одет и обут, как мальчик? Может, ёжик игрушечный? Завели его ключом и ушли. Но ведь заводные игрушки не умеют кашлять и так громко чихать».

– Будьте здоровы! – вежливо сказала девочка.

– Ага, – басом ответили из-под веника. – Ладно. А- апчхи!

Девочка так испугалась, что все мысли сразу выскочили у неё из головы, ни одной не осталось.

Звали девочку Наташей. Только что вместе с папой и мамой они переехали на новую квартиру. Взрослые укатили на грузовике за оставшимися вещами, а Наташа зан

лась уборкой. Веник отыскался не сразу. Он был за шкафами, стульями, чемоданами, в самом дальнем углу самой дальней комнаты.

И вот сидит Наташа на полу. В комнате тихо-тихо. Только веник шуршит, когда под ним возьмется, кашляют и чихают.

– Знаешь что? – вдруг сказали из-под веника. – Я тебя боюсь.

– И я вас, – шёпотом ответила Наташа.

– Я боюсь гораздо больше. Знаешь что? Ты отойди куда-нибудь подальше, а я пока убегу и спрячусь.

Наташа давно бы сама убежала и спряталась, да у неё от страха руки и ноги перестали шевелиться.

– Знаешь что? – немного погодя спросили из-под веника. – А может, ты меня не тронешь?

– Нет, – сказала Наташа.

– Не поколотишь? Не жваркнешь?

– А что такое «жваркнешь»? – спросила девочка.

– Ну, наподдашь, отлупишь, отдубасишь, выдерешь – всё равно больно, – сообщили из-под веника.

Наташа сказала, что никогда не... Ну в общем, никогда не стукнет и не поколотит.

– И за уши не отгаскаешь? А то я не люблю, когда меня за уши дёргают или за волосы.

Девочка объяснила, что тоже этого не любит и что волосы и уши растут совсем не для того, чтобы за них дёргать.

– Так-то оно так... – помолчав, вздохнуло лохматое существо, – Да видно, не все про это знают... – И спросило: – Дряпать тоже не будешь?

– А что такое «дряпать»?

Незнакомец засмеялся, запрыгал, веник заходил ходу-ном. Наташа кое-как разобрала сквозь шуршание и смех, что «дряпать» и «царапать» – примерно одно и то же, и твёрдо пообещала не царапаться, ведь она – человек, а не

кошка. Прутья у веника раздвинулись, на девочку посмотрели блестящие чёрные глаза, и она услышала:

– Может, и свориться не будешь?

Что такое «свориться», Наташа опять не знала. Вот уж лохматик обрадовался, заплясал, запрыгал, руки-ноги болтались и высывались за веником во все стороны.

– Ах, беда-беда-огорчение! Что ни скажешь – не по разуму, что ни молвишь – всё попусту, что ни спросишь – всё без толку!

Незнакомец вывалился из-за веника на пол, лаптями в воздухе машет:

– Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Вот тетёха, недотёпа, невразумиха непонятливая! И в кого такая уродилась? Ну, да ладно! А я-то на что? Ум хорошо, а два лучше того!

Тут Наташа потихоньку стала смеяться. Уж очень потешный оказался человек. В красной рубахе с поясом, на ногах лапти, нос курносый, а рот до ушей, особенно когда смеётся.

Лохматик заметил, что его разглядывают, убежал за веник и оттуда объяснил:

– «Свориться» – значит ссориться, ругаться, позорить, дразниться – всё едино обидно.

И Наташа поскорее сказала, что ни разу, никогда, ни-почём его не обидит.

Услышав это, лохматик выглянул из-за веника и решительно произнёс:

– Знаешь что? Тогда я совсем тебя не боюсь. Я ведь храбрый!

БАНЬКА

– Ты кто? – спросила девочка.

– Кузька, – ответил незнакомец.

– Это тебя звать Кузька. А кто ты?

– Сказки знаешь? Так вот. Сперва добра молодца в баньке попарь, накорми, напои, а потом и спрашивай.

– Нет у нас баньки, – огорчённо сказала девочка. Кузька презрительно фыркнул, расстался наконец с венником и побежал, держась на всякий случай подальше от девочки, добежал до ванной комнаты и обернулся:

– Не хозяин, кто своего хозяйства не знает!

– Так ведь это ванна, а не банька, – уточнила Наташа.

– Что в лоб, что по лбу! – отозвался Кузька.

– Чего, чего? – не поняла девочка.

– Что об печь головой, что головою об печь – всё равно, всё едино! – крикнул Кузька и скрылся за дверью ванной комнаты.

А чуть погодя оттуда послышался обиженный вопль:

– Ну, что же ты меня не паришь?

Девочка пошла в ванную. Кузька прыгал под раковиной умывальника.

В ванну он лезть не захотел, сказал, что слишком велика, водяному впору. Наташа купала его прямо в раковине под краном с горячей водой. Такой горячей, что руки едва терпели, а Кузька знай себе покрикивал:

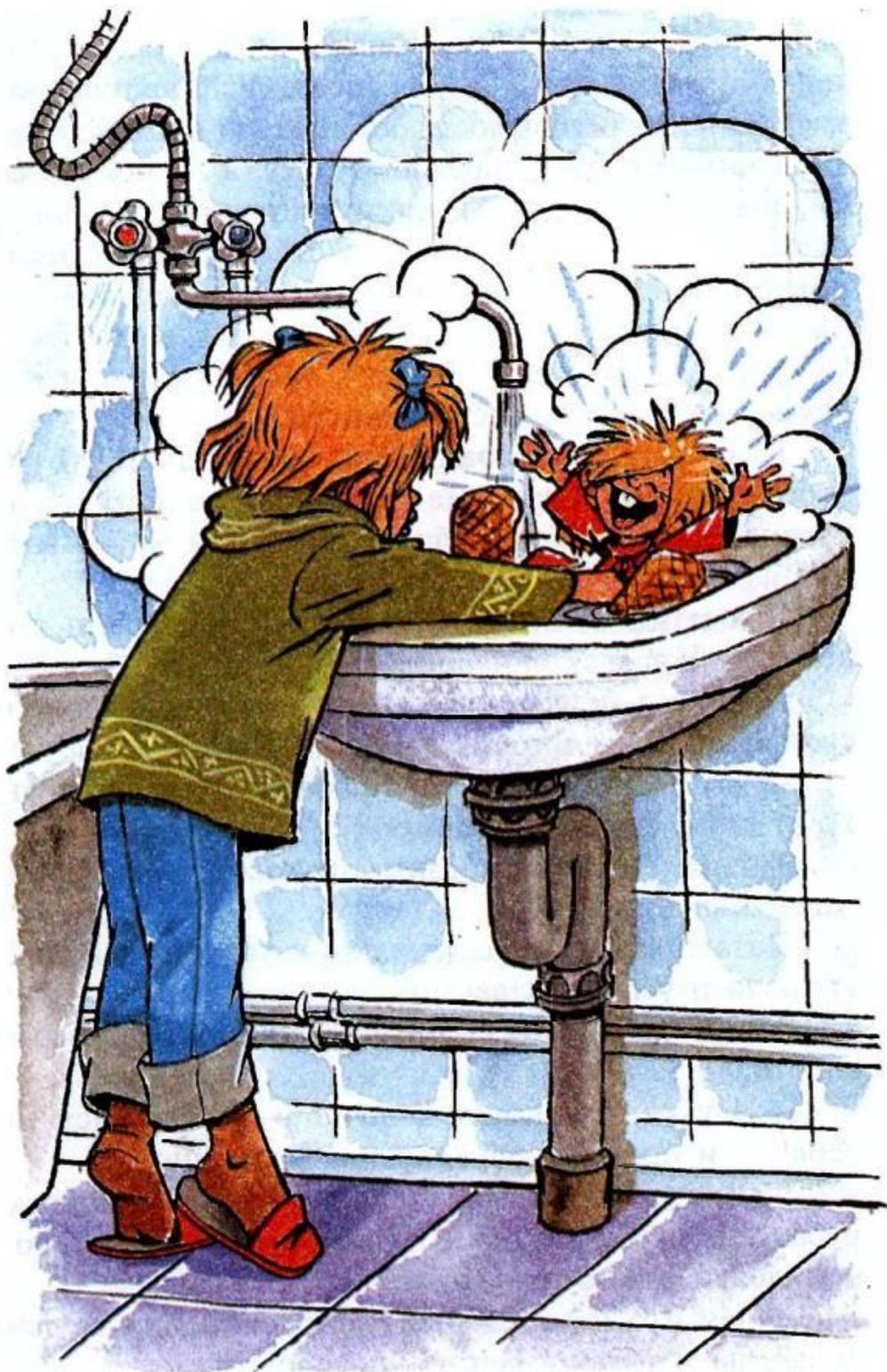
– А ну, горячей, хозяйюшка! Наддай парку! Попарим молодые косточки!

Раздеваться он не стал.

– Или мне делать нечего? – рассуждал он, кувыркаясь и прыгая в раковине так, что брызги летели к самому потолку. – Снимай кафтан, надевай кафтан, а на нём пуговиц столько, и все застёгнуты. Снимай рубаху, надевай рубаху, а на ней завязки, и все завязаны. Эдак всю жизнь раздевайся – одевайся, расстёгивайся – застёгивайся. У меня поважнее дела есть. А так сразу и сам отмоюсь, и одежда отстирается.

Наташа уговорила Кузьку хоть лапти снять и вымыла их мылом чисто-начисто.

Кузька, сидя в раковине, наблюдал, что из этого вый-

дет. Отмытые лапти оказались очень красивыми – жёлтые, блестящие, совсем как новые.

Лохматик восхитился и сунул под кран голову.

– Пожалуйста, закрой глаза покрепче, – попросила Наташа, – А то мыло тебя укусит.

– Пусть попробует! – проворчал Кузька и открыл глаза как можно шире.

Тут он заорал истошным голосом и напробовался мыла.

Наташа долго споласкивала его чистой водой, утешала и успокаивала.

Зато отмытые Кузькины волосы сверкали, как золото.

– Ну-ка, – сказала девочка, – полюбуйся на себя! – и протёрла зеркало над раковиной.

Кузька полюбовался, утешился, одёрнул мокрую рубашку, поиграл кистями на мокром поясе, подбоченился и важно заявил:

– Ну что я за добрый мóлодец! Чудо! Загляденье, да и только! Настоящий молодёц!

– Кто же ты, мóлодец или молодёц? – не поняла Наташа.

Мокрый Кузька очень серьёзно объяснил девочке, что он сразу и добрый мóлодец и настоящий молодёц.

– Значит, ты – добрый? – обрадовалась девочка.

– Очень добрый, – заявил Кузька. – Среди нас всякие бывают: и злые, и жадные. А я – добрый, все говорят.

– Кто все? Кто говорит?

В ответ Кузька начал загибать пальцы:

– В баньке я паренный? Паренный. Поенный? Поенный. Воды досыта нахлебался. Кормленный? Нет. Так что ж ты меня спрашиваешь? Ты молодец, и я молодец, возьмём по ковриге за конец!

– Что, что? – переспросила девочка.

– Опять не понимаешь, – вздохнул Кузька. – Ну, ясно, сытый голодного не разумеет. Я, например, ужасно голодный. А ты?

Наташа без лишних разговоров завернула добра молодца в полотенце и быстро понесла на кухню.

По дороге Кузька шепнул ей на ухо:

– Я таки наподдал ему как следует, этому мылу твоему. Как жваркну его, как дряпну – больше не будет свориться.

ОЛЕЛЮШЕЧКИ

Наташа усадила мокрого Кузьку на батарею. Рядом лапти положила, пускай тоже сохнут. Если у человека мокрая обувь, он простудится.

Кузька совсем перестал бояться. Сидит себе, придер- живая каждый лапоть за верёвочку, и поёт:

Истопили баньку, вымыли Ваваньку,
Посадили в уголок, дали кашечки комок!

Наташа придвинула к батарее стул и сказала:

– Закрой глаза!

Кузька тут же зажмурился и не подумал подглядывать, пока не услышал:

– Пора! Открывай!

На стуле перед Кузькой стояла коробка с пирожными, большими, прекрасными, с зелёными листиками, с белыми, жёлтыми, розовыми цветами из сладкого крема. Мама купила их для новоселья, а Наташе разрешила съесть одно или два, если уж она очень соскучится.

– Выбирай, какое хочешь! – торжественно сказала девочка.

Кузька заглянул в коробку, наморщил нос и отвернулся:

– Это я не ем. Я – не козёл.

Девочка растерялась. Она очень любила пирожные. При чём тут козёл?

– Ты только попробуй, – нерешительно предложила она.

– И не проси! – твёрдо отказался Кузька и опять отвернулся. Да как отвернулся! Наташа сразу поняла, что значит слово «отвращение». – Поросята пусть пробуют, лошади, коровы. Цыплята поклюют, утята-гусята пощиплют. Ну, зайцы пусть побалуются, леший пообкусывает. А мне... – Кузька похлопал себя по животу, – мне эта пища не по сердцу, нет, не по сердцу!

– Ты только понюхай, как пахнут, – жалобно попросила Наташа.

– Чего-чего, а это они умеют, – согласился Кузька. – А на вкус трава травой.

Видно, Кузька решил, что его угощают настоящими цветами: розами, ромашками, колокольчиками.

Наташа засмеялась.

А надо сказать, что Кузька больше всего на свете не любил, когда над ним смеются. Если над кем-нибудь ещё, то пожалуйста. Можно иногда и самому над собой посмеяться. Но чтоб другие смеялись над ним без спроса, этого Кузька терпеть не мог.

Он тут же схватил первое попавшееся пирожное и отважно сунул его в рот. И сейчас же спросил:

– Фафа фефёф или фто фофофаеф?

Девочка не поняла, но лохматик, мигом расправившись с пирожным и запустив руку в коробку, повторил:

– Сама печёшь или кто помогает? – и давай пихать в рот одно пирожное за другим.

Наташа задумалась, что она скажет маме, если Кузька нечаянно съест все пирожные.

Но он съел примерно штук десять, не больше. И, на прощание заглянув в коробку, вздохнул:

– Хватит. Хорошенького понемножку. Эдак нельзя: всё себе да себе. Надо и о других подумать. – И начал считать пирожные: – Тут ещё осталось Сюра угостить, Афоньку, Адоньку, Вуколочку. И Сосипатрику хватит, и Лутонюшке, и бедненькому Кувыке. Я их тоже сначала обману:

ешьте, мол, ешьте, угощайтесь! Пусть тоже думают, что цветами потчую. И угостим, и насмешим, то-то все будут рады-радехоньки!

Нахохотавшись всласть, Кузька обернулся к Наташе и заявил, что олелюшечек никак не хватит.

– Чего не хватит? – рассеянно спросила девочка. Она всё думала, что сказать маме о пирожных, а ещё думала про Адоньку, Афоньку, Вуколочку.

– Олелюшечек, говорю, на всех не хватит. Не красна изба углами, а красна пирогами. Эдаких вот, с цветами! – Кузька даже рассердился и, видя, что девочка не понимает, о чём речь, ткнул пальцем в пирожные: – Вот они, олелюшечки, эти самые пироги цветочные! Я ж говорю, невразумиха ты непонятливая, а ещё смеёшься!

ЖЕРДЯ ЗВАТЬ НЕ НАДО

– Дом без хозяина – сирота, – поёрзав на батарее, сказал Кузька и начал озираться, будто что-то потерял. – И хозяин без дома тоже сирота. Дома и стены помогают.

Наташа оглядела стены.

Интересно, как это они будут помогать? Руки у них вырастут, что ли? Или стены станут говорящими? Кто-нибудь начнёт мыть посуду, а стены скажут:

«Эй, ты! Марш отсюда! Сами вымоем!»

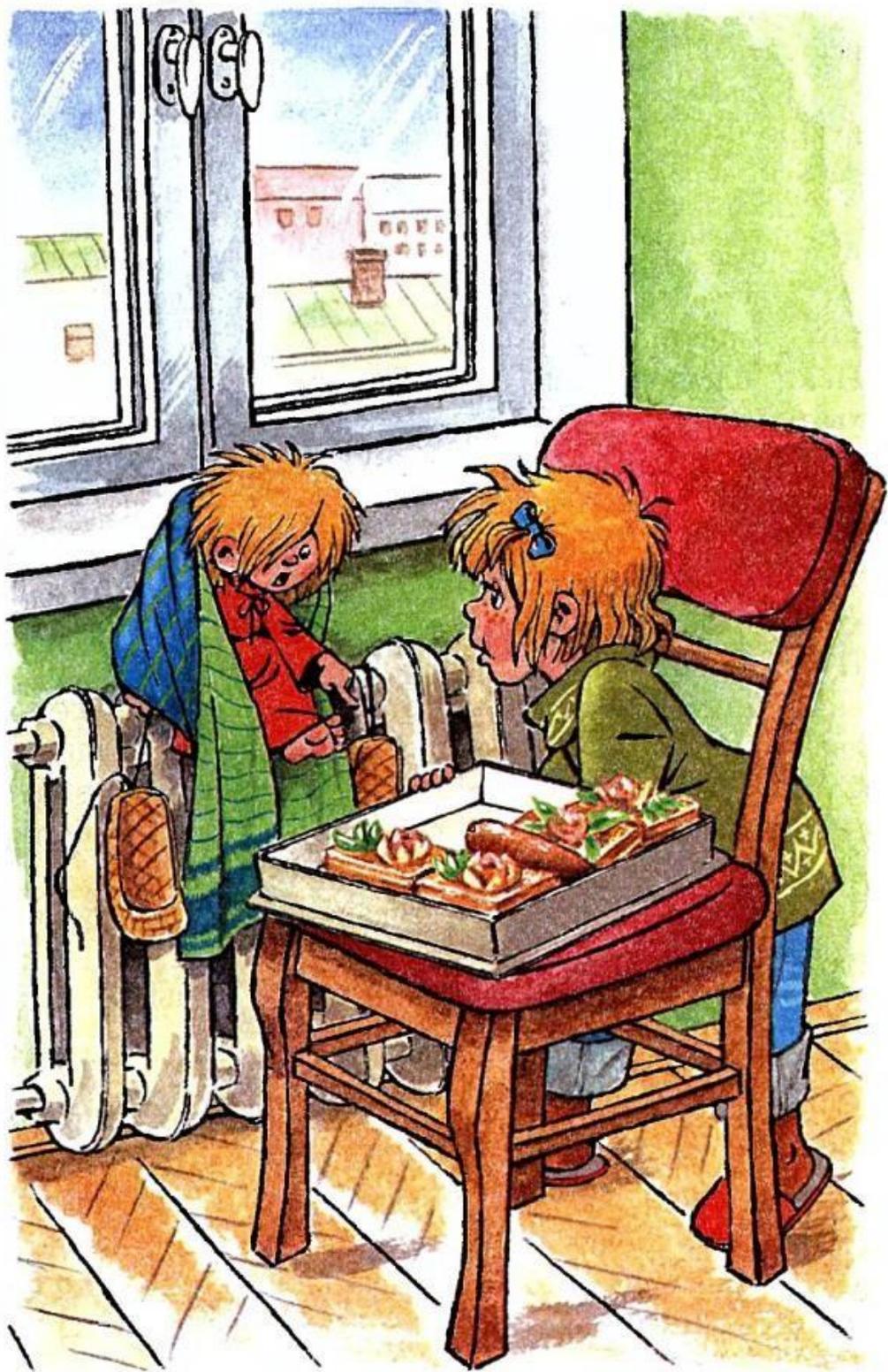
Или нет. Кто ж станет строить такие грубые стены?

Это будут очень милые, приветливые стеночки:

«Будьте добры, займитесь какими-нибудь другими, более интересными делами, а мы, с вашего позволения, перемоем всю посуду. И пожалуйста, не беспокойтесь: ни одной чашечки, ни одной тарелочки не разобьём».

Тут, конечно, стены раздвинутся, выйдут роботы, всё сделают – и опять в стены.

Кузька между тем очень внимательно оглядывал кухню и заодно объяснял, для чего нужно праздновать новоселье:

– У вас, у людей, день рождения раз в году. А у дома он бывает раз в жизни – его новосельем зовут. Где новоселье – там гости. Где гости – там угощение. Мало угощения – гости подерутся. Пеки олелюшечки, да побольше, чтобы на всех хватило!

– Афонька, Адонька, Вуколочка – это твои гости? – спросила девочка.

– Сюра забыла, – ответил Кузька. – А ещё жди Пармешу, Куковяку, Лутонюшку. Так. Ещё кого? Пафнутий придёт, Фармуфий, Сосипатр, Пудя, Ховря, Дидим, Теря, Беря, Фортунат, Пигасий, Молчан, Нафаня, Авундий... Феодул с Феодулаем придут, Пантя, Славуся, Веденей... Буяна и Себяку звать не буду, разве что сами придут незваными гостями. А вот Поньку, так и быть, кликну. И Бутеню, и бедненького Кувыку.

– Что это, всё твои товарищи?! – изумилась девочка. – Так много?

– А как же! – важно ответил Кузька, – Без товарищей один Жердяй живёт.

– Кто живёт?

– Жердяй. Сухой, длинный, на крыше у трубы дымом греется. Завистник, ненавистник и пакостник, лучше сюда его не звать – всех перессорит. Пусть себе торчит на крыше, как сухая ветка.

Девочка скорей посмотрела в окно: не видно ли Жердяя? Не только Жердяя, но и труб, и дыма на крышах не было, одни антенны поднимались вверх.

– Нет, – продолжал Кузька. – Жердяя звать не буду. Вот деда Кукобу позову. Да не соберётся он, дед Кукоба, скажет: «Дорога не близкая, за семь вёрст киселя хлебать – лаптей не напасёшься». А может, и навестит, соскучился, поди. Сверюк с Пахмурой не придут, зови не зови, эти веселья не любят. Лыгашку глаза б мои не видели! И Скалдыра пусть не показывается. Зато Белебенья сей же час прибежит. Услышит от Сороки – и здравствуйте-пожалуйста, давно не видались!

– От Сороки? – удивилась Наташа. – Разве птицы знают про новоселье?

– Сорока знает, – твёрдо сказал Кузька, – Она везде поспевает. Да толком ничего не понимает. До того занята, что и подумать некогда, что надо, чего не надо – про всё трещит, на хвосте тащит. Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу. Не любим мы Сороку, – вздохнул Кузька. – Один Белебенья с ней в ладу живёт. Чуть услышит, у кого какая беда или радость, – ему всё равно, лишь бы народу побольше и угощения, – он и прыскачет. И Лататуй с ним, они всегда вместе.

Девочка во все глаза смотрела на Кузьку. Он по-прежнему сидел на батарее, рядом сохли лапти. Кузька придерживал их за верёвочки и болтал ногами.

«Интересно, – думала девочка, – почему у Кузьки ножки маленькие, а лапти такие, что в каждый он может сесть, как в корзину?»

А ещё она думала о Кузькиных друзьях. Какие они? Тоже маленькие, лохматые и в лаптях? Или некоторые в ботинках? Или же большие, лохматые, в пиджаках, с галстуками, но в лаптях? Или же маленькие, причёсанные, в рубахах и в ботинках?

А Кузька в это время продолжал:

– Белун придёт, и пускай. Всегда ему рады. Тихий старичок, смиренный, ласковый. Вот только носовой платок для него не забыть припасти, если попросит нос вытереть. Банник непременно пожалует, то-то ему здесь светло покажется после тёмной бани. Ещё Петряй и Агапчик навостят, Поплеша с Амфилашей, Сдобыш, Луп, Олея... Лишь бы Тухляшка не навязался, ну его!

– Ой, Кузенька! – изумилась Наташа. – Сколько же у тебя друзей!

– Сколько друзей-то? Скажу, да погожу, – ответил Кузька, ёрзая на горячей батарее, и добавил: – Кабы я блином был, мне бы в самый раз на этой печурке доспеть, подрумяниться.

Он поглядел вниз и вздохнул:

– Давно бы отсюда ушёл, да шесток больно высок, до полу лететь далеко, а ухватиться не за что.

Наташа скорей пересадила бедняжку на подоконник.

«Эка благодать – весь белый свет видать!» – обрадовался Кузька и прижался носом к стеклу. Девочка тоже посмотрела в окно.

ОБИЖЕННЫЙ САМОЛЁТИК

По небу неслись облака. Тоненькие, с виду совсем игрушечные подъёмные краники двигались между светло-жёлтыми, розовыми, голубыми коробочками домов, поднимали и опускали стрелы. Дальше был виден синий лес, до того синий, будто в нём и деревья растут синие с голубыми листьями и лиловыми стволами.

Над синим лесом летел самолётик. Кузька показал ему язык, потом обернулся к девочке:

– Много всякого народу пожалует на новоселье. Придут и скажут: «Вот спасибо тому, кто хозяин в дому!» Будет что рассказать, будет что вспомнить. Друзья к нам придут, и знакомые, и друзья друзей, и знакомые друзей, и друзья знакомых, и знакомые знакомых. С некоторыми водиться – лучше в крапиву садиться. Пусть и они придут. Друзей всё равно больше.

– А где они живут, твои друзья? – спросила девочка.

– Как где? – удивился лохматик. – Везде, по всему миру, каждый у себя дома. И в нашем доме тоже. Мы высоко живём? На восьмом этаже? А на двенадцатом уже раньше нас Тарах поселился, на первом Митрошка – тонкие ножки живёт понемножку.

Наташа недоверчиво спросила, откуда Кузька про это знает. Оказалось, от знакомого воробья по имени Летун. Сегодня, когда машина остановилась и стали выгружать вещи, воробей как раз купался в луже около подъезда.

Митрошка и Тарах, которые приехали сюда раньше, про- сили его кланяться всем, кто ещё приедет в этот дом.

– Помнишь, – спросил Кузька, – он нам из лужи кланялся, мокренький такой, встрёпанный? Слушай, ему же там до самого вечера сидеть и кланяться! Посиди-ка весь день в луже, не пивши, не евши. Думаешь, хорошо?

– Ну, попить-то он может, – нерешительно сказала Наташа.

– Угу, – согласился Кузька. – А поесть мы ему оле- люшку бросим в окошко. Ладно? Только аккуратно, а то попадешь в голову, а он маленький, эдак и ушибить мож- но.

Они долго возились с задвижками, открывали окно, потом высунулись, увидели лужу, рядом с ней серую точ- ку (видно, Летун не всё время купался, иногда и загорал) и очень удачно бросили из окна пирожное «Наполеон»: оно упало прямо в лужу. Только успели закрыть окно, Кузька как закричит:

– Ура! Едут! Уже едут! Гляди!

Внизу по широкому новому шоссе мчался грузовик с узлами, столами, шкафами.

– Ну-ка, ну-ка, что у нас за соседи? – радовался Кузька.

– Друзья или просто знакомые? А не знакомы, долго ль познакомиться – приходи сосед к соседу на весёлую бесе- ду. Эй, ты! Куда уезжаешь? Куда? Вот они мы, не видишь, что ли? Остановись сей же час, кому говорят!

Но грузовик проехал мимо и увёз людей с их добром в другой дом к другим соседям.

Кузька чуть не плакал:

– А всё машина виновата! Не могла остановиться, что ли? К другим соседи поехали. А к нам жди-пожди – то ли дождик, то ли снег, то ли будут, то ли нет.

Наташе успокоить бы его, а она слова сказать не мо- жет, смеяться хочется. И вдруг она услышала:

– Эй, ты! Сюда заворачивай! Лети, лети к нам в гости

со всеми чадами и домочадцами, с друзьями и с соседями, со всем домком, окромя хором!

Девочка посмотрела в окно: коробки домов, подъёмные краны, а над ними самолёт.

– Ты кого зовёшь?

– Его! – Кузька ткнул пальцем в небо, указывая на самолёт. – Давеча он так же летел, а я его подразнил. – Кузька смутился, покраснел, даже уши у него стали красными от смущения. – Я ему язык показал. Может, видела? Обиделся, поди. Пусть уж побывает у нас, олелюшечек отведаст. А то скажет: дом-то хорош, да хозяин негож.

Наташа рассмеялась. Самолёт к нам зовёт, кормить его собирается!

– Вот чудак, да он же здесь не поместится.

– Толкуй больной с подлекарем! – развеселился Кузька. – Вот машину, которая нас везла, я в гости не звал, велика, в горницу не влезет. А самолёт – другое дело. Сколько я их в небе перевидал, ни один крупнее вороны или галки на глаза не попадался. А этот не простой самолёт, обиженный. Если тесно ему покажется, так ведь в тесноте, да не в обиде. А будешь надо мной смеяться – убегу, и поминай как звали.

Самолёт, конечно, не откликнулся на Кузькино приглашение, а улетел, куда ему было надо.

Кузька долго-долго глядел ему вслед и грустно сказал:

– И этот не захотел к нам в гости. Крепко на меня обиделся, что ли...

ВОРОБЬИНЫЙ ЯЗЫК

Наташа решила больше не смеяться над Кузькой. Если маленькие чего не знают, на то они и маленькие. Вырастут – узнают. А Кузька – совсем маленький, хоть и в огромных лаптях. Откуда ему знать про самолёты?

– Ты разве в машине с нами приехал? – спросила девочка.

– А то где же? – важно ответил лохматик. – Я у неё спросил: «Довезёшь?» – «Полезай, отвечает, довезу».

– У машины спросил?

– А как же? Без спросу – останешься без носу. Очень удобно ехал. В ведре. Мы с веником там хорошо уместились.

– Что ж, машина так и сказала: «Полезай – довезу»?

– Ну, она-то по-своему, по-машинному: прр! Да я не глупый, понял. Вот и довезла. Тут я, видишь? Вот он. – Кузька для убедительности потыкал в себя пальцем и сказал, что машинные языки ещё не ахти как знает. То ли дело птичьи или звериные.

И тут как раз зачирикал воробей. Может, Летун прилетел благодарить за угощение? Наташа искала глазами воробья, а в кухне уже свистели синицы, заливался соловей, стучал дятел.

Мякнула кошка. Птицы умолкли. Громко залаяла собака. Невидимая кошка заорала изо всех кошачьих сил и удрала. А невидимая собака вдруг как тьякнет на девочку! Наташа чуть со стула не свалилась и закричала: «Мама!» И тут всё стихло, кроме Кузькиного смеха. Это он кричал разными голосами. Ну и Кузька!

Она хотела попросить, чтобы Кузька ещё полаял, но тут замычала корова, закукарекал петух, заблеяли овцы и козы, закудаhtала курица, запищали цыплята. Курица звала детей всё громче, цыплята пищали всё жалобней, а потом смолкли. Верно, курица увела их подальше от стада, от множества копыт и мохнатых ног. Вдруг замолкли овцы с козами и заревел кто-то страшный. Зашумели, закрипели деревья, завыл ветер. Кто-то ухал, верещал, стоял. Но вот всё затихло и в тишине что-то взвизгнуло.

– Страшно, да? – спросил Кузька, – Я тогда тоже испугался. – Когда и где испугался, он рассказывать не стал, а задумчиво произнёс: – По-воробьиному-то я давно говорю. И по-вороньи, и по-куриному. Лошадиный знаю, коз-

линый, бычий, свинячий, ну и кошачий, и собачий. А когда в лес попал, заячьему выучился, беличьему, лисьему... Волчий понимаю, медвежий. Рыбьи языки хуже знаю, трудные они: куда выучишь, десять раз утопнешь или простудишься. Ещё карасий от щучьего отличу, а больше ни-ни.

Наташа во все глаза смотрела на Кузьку. Маленький, а сколько языков знает! А вот она, хоть и большая, знает всего несколько десятков английских слов и одно немецкое.

– Кузенька! – робко спросила Наташа, – А теперь ты скажешь, кто ты? Или ещё не пора?

Кузька внимательно посмотрел на девочку и стал загибать пальцы:

– Кормленный я? Кормленный. Поенный? Поенный. В бане паренный? Паренный. Ну так слушай...

И тут в дверь постучали.

– Беги открывай! – прошептал Кузька, – Да никому про меня не сказывай!

ТО ТЕПЛО, ТО ХОЛОДНО

– Дверь обить не желаете? – спросил незнакомый дяденька, – Чёрная клеёночка имеется и коричневого цвета. Да ты одна, что ли, дома, девочка? Спрашивать надо, спрашивать, когда дверь отпираешь, и чужим не открывать. Говоришь вам, говоришь, учишь вас, учишь, – ворчал дяденька, стучась в соседнюю дверь.

Наташа вернулась в кухню. Кузьки на подоконнике не было, коробки с пирожными тоже, только лапти сохли на батарее.

– Кузенька! – позвала Наташа.

– Ку-ку! – откликнулись из угла.

Там, под раковиной, был аккуратный белый шкафчик, куда ведро ставят для мусора. Из этого-то шкафчика и выглянула весёлая Кузькина мордочка.

– Ах вы, сени мои, сени! Сени новые мои! – вопил он, приплясывая, когда Наташа заглянула в шкафчик. – Добро пожаловать! Будьте как дома! Ну не чудо ли и не красота! Гляди, какой славный домик я себе отыскал! Как раз по росту. И олелюшечки уместились! И гости поместятся, если по одному будут приходиться. А что внутри он белый, так мы его раскрасим. На этой стенке лето нарисуем, на той осень, здесь весну, бабочки летают. А дверь пусть остаётся белой, как зима. Место тихое, укромное, кто не надо – не заглянет.

– Заглянут, – вздохнула Наташа. – Сюда ведро помойное ставят.

– Глупости какие! – сказал Кузька, вылезая из шкафчика. – Изгвадать такую красоту! Ума нет.

– А куда ж мусор бросать?

– А вон куда! – И Кузька показал на окно.

Девочка не согласилась. Что ж это будет? Идёт по тротуару прохожий, а на него сверху очистки всякие падают, объедки, огрызки.

– Ну и что? – сказал Кузька. – Отряхнулся и пошёл себе дальше.

И тут в дверь опять постучали.

– Здравствуйте! Я ваша соседка, – сказала незнакомая женщина в переднике. – У вас не найдётся коробки спичек?

Наташа, загораживая дорогу в кухню, сказала, что спичек нет и никого нет.

– А почему дверь открываешь, не спрашивая? – улыбнулась соседка и ушла.

В кухне на батарее сох один лапоток. Кузька снова исчез.

– Кузенька! – позвала Наташа.

Никто не ответил. Она опять позвала. Откуда-то слышался шорох, тихий смех и приглушённый Кузькин голос:

– Идёт мимо кровати спать на полати.

Искала Наташа, искала – Кузька будто провалился. Надоело ей искать.

– Кузенька, где ты?

Послышалось хихиканье, и неизвестно откуда ответили:

– Если я скажу «холодно», значит, там меня нету, а скажу «тепло», там я и есть. Наташа вышла в коридор.

– Эх, морозище-мороз отморозил девке нос! – заорал невидимый Кузька.

Девочка вернулась в кухню.

– Мороз не велик, а стоять не велит!

Она заглянула в белый шкафчик под раковиной.

– Стужа да мороз, на печи мужик замёрз!

Наташа сделала шаг к газовой плите, и погода сразу улучшилась:

– Сосульки тают! Весна-красна, на чём пришла? На кнутике, на хомутике!

У плиты наступило лето. Открыв духовку, Наташа увидела на противне Кузьку, который вопил, не жалея го- лоса:

– Обожжёшься! Сгоришь! Удирай, пока не поздно!

– Это ты сгоришь! – сказала Наташа и стала объяснять про газовую плиту и про духовку.

Не дослушав объяснений, Кузька вылетел наружу как ошпаренный, подобрал коробку с пирожными, надел ла- поть и сердито пнул плиту.

– Вот беда, беда, огорчение! Я-то думал, это будет мой домик, тихонький, укромненький, никто туда не заглянет. А сам, страх подумать, в печи сидел! Ах ты батюшки!

Наташа стала его утешать.

– Я твоей плиты не боюсь, зря не укусит, – махнул ру- кою Кузька, – Я огня боюсь.

Кузька сел на коробку с пирожными и пригорюнился:

– И лаптей жалко, и рубахи, а больше всего своей головушки. Я ж молоденький, семь веков всего, восьмой пошёл...

– Семь лет, – поправила Наташа. – Как мне.

– У вас годами считают, – уточнил Кузька, – у нас – веками, в каждом веке сто лет. Вот моему дедушке сто веков с лишним. Не знаю, как ты, а мы с огнём не водимся. Играть он не умеет, шуток не любит. Кто-кто, а мы это знаем. Дедушка нам говорил: «Не играйте с огнём, не шутите с водой, ветру не верьте». А мы не послушались. Поиграли раз, на всю жизнь хватит.

– Кто поиграл?

– Мы поиграли. Сидим как-то у себя дома под печкой. Я сижу, Афонька, Адонька, Сюр, Вуколочка. И вдруг...

Но тут в дверь опять постучали.

ВОТ БЕДА, БЕДА, ОГОРЧЕНИЕ!

Очень высокий, почти до потолка, молодой человек спросил Наташу:

– Где у вас телевизор?

Куртка на юноше блестела, «молнии» на куртке сверкали, рубашка в мелкий цветочек, а на ней значок с Чебурашкой.

– Ещё не приехал, – растерянно ответила Наташа, глядя на Чебурашку.

– Да ты одна, что ли? – спросил юноша. – А чего пускаешь в дом кого попало? Ну ладно, зайду ещё! Расти большая.

Девочка бегом вернулась в кухню. Там тихо и пусто. Позвала она, позвала – никто не откликнулся; искала, искала – никого не нашла. Заглянула в белый шкафчик под раковиной, в духовку – нет Кузьки. Может быть, он спрятался в комнатах?

Наташа обегала всю квартиру, обшарила все углы.

Кузьки и след простыл. Напрасно она развязывала узлы, отодвигала ящики, открывала чемоданы, напрасно звала Кузьку самыми ласковыми именами – ни слуху ни духу, будто никогда никакого Кузьки и в помине не было. Толь- ко машины шумели за окном и дождь стучал в стёкла. Наташа вернулась в кухню, подошла к окну и заплакала.

И тут она услышала очень тихий вздох, чуть слышный стук и тихий-претихий голос.

– Вот беда, беда, огорчение! – вздыхал и разговаривал холодильник. Кто-то скрёбся в холодильнике, как мышка.

– Бедный, глупый Кузенька! – ахнула Наташа, кинулась к холодильнику, взялась за блестящую ручку.

Но тут в дверь не просто застучали, а забарабанили:

– Наташа! Открывай!

Наташа бросилась в коридор, но по дороге передумала: «Сначала выпущу Кузьку, он совсем замёрз».

– Что случилось?! Открывай сейчас же!! Наташа!!! – кричали в коридоре и ломались в дверь.

– Кто там? – спросила Наташа, поворачивая ключ.

– И она ещё спрашивает! – ответили ей и потащили в комнаты диван, телевизор и много других вещей.

Наташа на цыпочках побежала в кухню, открыла холодильник, и прямо ей в руки вывалился дрожащий Кузька.

– Вот беда, беда, огорчение! – приговаривал он, и слова вместе с ним дрожали. – Я-то думал, это мой домик, укромненький, чистенький, а тут хуже, чем у Бабы Яги, у той хоть тепло! Деда Мороза изба, что ли, да не простая, с секретом: впустить-то впустит, а назад – и не проси... И приманок всяких вдоволь, яства одно другого слаще... Ой, батюшки, никак, олелюшки там оставил! Пропадут они, замёрзнут!

В коридоре слышались шаги, раздавался грохот, шум, треск. Кузька до того перепугался – перестал дрожать, смотрит на девочку круглыми от страха глазами. Наташа сказала ему на ухо:

– Не бойся! Хочешь, я тебя сейчас спрячу?

– Знаешь что? Мы с тобой уже подружились, я тебя уже не боюсь! Я сей же час сам спрячусь. А ты беги ско- рёхонько в горницу, где я был под веником. Отыщи в углу веник, под ним увидишь сундук. Тот сундук не простой, волшебный. Спрячь его, береги как зеницу ока, никому не показывай, никому про него не рассказывай. Я бы сам по- бежал, да мне туда ходу нет!

Кузька прыгнул на пол и пропал, скрылся из глаз. А Наташа бросилась искать веник. Веника в углу не было. И угла тоже не было. Вернее, он был, но его теперь занял огромный шкаф. Наташа громко заплакала. Из комнат прибежали люди, увидели, что она не ушиблась, не оцара- палась, а плачет из-за какой-то игрушки, про которую и рассказать толком не может, успокоились и опять пошли прибивать полки, вешать люстры.

Девочка плакала потихоньку. И вдруг сверху кто-то спросил:

– Не эту ли шкатулку ищете, барышня?

КТО ТАКОЙ КУЗЬКА?

Наташа подняла голову и увидела высокого человека, папиного товарища. Они с папой когда- то сидели в пер- вом классе на последней парте, потом всю жизнь не виде- лись, встретились только вчера и никак не могли расстать- ся, даже вещи грузили вместе.

В руке у папиного соседа по школьной парте был чу- десный сундучок с блестящими уголками и замочками, украшенный цветами.

– Хорошая игрушка. В прекрасном народном стиле! Я бы на твоём месте тоже о ней плакал, – сказал бывший первоклассник. – Держи и спрячь получше, чтобы под но- ги нечаянно не попала.

Наташа, боясь поверить чуду, вытерла глаза, сказала

спасибо, схватила Кузькино сокровище и побежала искать такое место в квартире, где бы можно было его как следуют спрятать. И надо же было так случиться, что этим местом оказалась её собственная комната. Наташа сразу её узнала, потому что там уже были её кровать, стол, стулья, полка с книгами, ящик с игрушками.

– Самая солнечная комната, – сказала мама, заглянув в дверь. – Тебе нравится? – и, не дожидаясь ответа, ушла.

– Нравится, нравится, очень нравится! – услышала Наташа знакомый голос из ящика с игрушками. – Догони её скорей и скажи: благодарствуйте, мол! Хорошая горница, приглядная, добротная – как раз для нас! Каковы сами – таковы и сани!

– Кузенька, ты здесь?! – обрадовалась девочка.

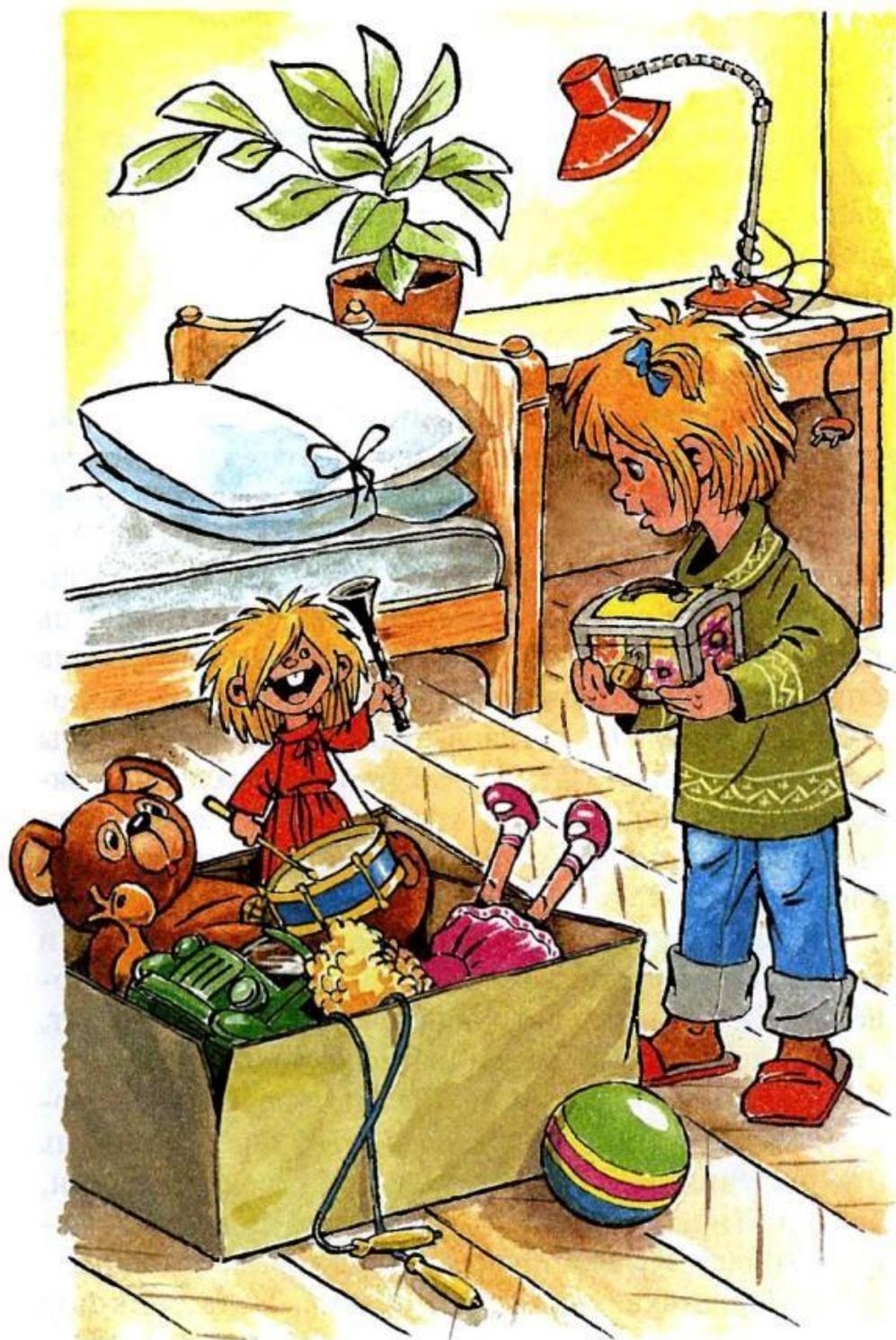
В ответ пискнул утёнок, бибикнула машина, зарычал оранжевый мишка, кукла Марианна сказала «ма-ма» и громко задудела дудка. Из ящика вылез Кузька с дудкой в одном кулаке и барабанными палочками в другом. Старый, заслуженный барабан, давным-давно лежавший без дела, болтался у самых Кузькиных лаптей. Кузька с восторгом поглядел на чудесный сундучок в Наташиных руках, ударил палочками в барабан и завопил на всю квартиру:

Комар пищит,
Каравай тащит.
Комариха верещит,
Гнездо веников тащит. Кому
поём,
Тому добро!
Слава!

В дверь постучали. Кузька кувырк в ящик с игрушками. Один лапти торчат.

– Концерт по случаю переезда в новый дом? – спросил папин товарищ, входя в комнату.

Он подошёл к игрушкам, вытащил Кузьку за лапоть и

поднёс к глазам. Наташа бросилась на помощь, но Кузька уже преспокойно сидел на ладони у бывшего первоклассника точно так же, как сидели бы на ней кукла Марианна, Буратино, ещё кто-нибудь в этом роде.

– Вот какие нынче игрушки! – сказал папин друг, щёлкнув Кузьку по носу, но лохматик и глазом не моргнул. – Первый раз вижу такую. Ты кто же будешь? А? Не слышу... Ах, домовой, вернее, маленький домовёночек! Что, брат? Туго тебе приходится? Где же ты в нынешних домах найдёшь печку, чтобы за ней жить? А подполье? Куда спрячешь от хозяев потерянные вещицы? А конюшня? Кому ты, когда вырастешь, будешь хвосты в косички заплетать? Да, не разгуляешься! И хозяев не испугаешь, народ грамотный. А жаль, если ты совсем пропадёшь и все тебя забудут. Честное слово, жаль.

Кузька сидел на ладони у папиного товарища и слушал. А Наташа думала: «Так вот он кто! Домовёнок! Маленький домовёночек! Мне – семь лет, ему – семь веков, восьмой пошёл...»

– Что ж, – закончил папин товарищ, – Хорошо, что ты теперь превратился в игрушку и живёшь в игрушечнице. Тут тебе самое место. А с детьми, братец, не соскучишься! – и положил неподвижного Кузьку рядом с оранжевым мишкой.

– Кузенька! – грустно сказала Наташа, когда дверь за папиным другом закрылась. – Значит, теперь ты игрушка? А как же Афонька, Адонька, Вуколочка? Я думала, они к нам на новоселье придут, мы их угостим из игрушечной посуды, на заводной машине покатаем... А как же волшебный сундучок? Какая в нём тайна? Ты правда встречал Бабу Ягу? И почему ты в лесу очутился, если ты домовой, а не леший? Неужели я больше никогда ничего про тебя не узнаю? Неужели ты насовсем превратился в игрушку?

Тут Кузькин глаз, глядевший на девочку, вдруг подмигнул, а из игрушечницы послышалось:

– Он лежит и еле дышит, ручкой-ножкой не колыхнет! И Наташа услышала про домовёнка вот такую историю.

Виталий Бианки

ГДЕ РАБЫ ЗИМУЮТ

Где раки зимуют

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите - кастрюля, на столе - большое белое блюдо. В корзине были чёрные раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла хозяйка и начала: раз - опустила руку в корзину и схватила чёрного рака поперёк спины; два - кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и - три - переложила красного рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло.

Раз - чёрный рак, схваченный поперёк спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щёлкал хвостом; два - рак окунался в кипяток, переставал шевелиться и краснел; три - красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шёл пар.

Раз-два-три, раз-два-три - в корзине оставалось все меньше чёрных раков, кипяток в кастрюле кипел и булькал, а на белом блюде росла гора красных раков.

И вот остался в корзине один, последний рак.

Раз - и хозяйка схватила его пальцами поперёк спины.

В это время ей крикнули что-то из столовой.

- Несу, несу! Последний! - ответила хозяйка и спутала - два! - кинула черного рака на блюдо, подождала немножко, подцепила ложкой с блюда красного рака и - три! - опустила его в кипяток.

Красному раку было всё равно, где лежать: в горячей кастрюле или на прохладном блюде. Чёрному раку совсем не хотелось в кастрюлю, не хотелось ему лежать и на блюде. Больше всего на свете ему хотелось туда, где раки зимуют.

И, долго не раздумывая, он начал своё путешествие: задом-задом, на попятный двор.

Он наткнулся на гору неподвижных красных раков и забился под них.

Хозяйка украсила блюдо укропом и подала на стол.

Белое блюдо с красными раками и зелёным укропом было красиво. Раки были вкусные. Гости были голодны. Хозяйка была занята. И никто не заметил, как чёрный рак перевалился с блюда на стол и задом-задом подполз под тарелку, задом-задом добрался до самого края стола.

А под столом сидел котёнок и ждал, не перепадёт ли ему что-нибудь с хозяйского стола.

Вдруг - бац! - треснулся перед ним кто-то чёрный, усатый.
Котёнок не знал, что это рак, думал - большой чёрный таракан, - и толкнул его носом.

Рак попятился.

Котёнок тронул его лапкой.

Рак поднял клешню.

Котёнок решил, что с ним дело иметь не стоит, обернулся и мазнул его хвостом.

А рак - хватать! - и зажал ему клешнёй кончик хвоста.

Что тут с котёнком стало! Мяу! - он скакнул на стул.-Мяу!-со стула на стул.- Мяу!-со стола на подоконник.-Мяу!-и выскочил на двор.

- Держи, держи, бешеный! - кричали гости.

Но котёнок вихрем помчал через двор, взлетел на забор, понёсся по саду. В саду был пруд, и котёнок, верно, свалился бы в воду, если б рак не разжал клешни и не отпустил хвоста.

Котёнок повернул назад и галопом поскакал домой.

Пруд был маленький, весь зарос травой и тиной. Жили в нём ленивые хвостатые тритоны, да карасики, да улитки. Житьё у них было скучное - всегда всё одно и то же. Тритоны плавали вверх и вниз, карасики плавали взад-вперёд, улитки ползали по траве: один день наверх ползут, другой - вниз спускаются.

Вдруг всплеснула вода и чьё-то чёрное тело, пуская пузыри, опустилось на дно.

Сейчас же все собрались на него поглядеть: приплыли тритоны, прибежали карасики, поползли вниз улитки.

И верно - было на что поглядеть: чёрный был весь в панцире - от кончика усов до кончика хвоста. Гладкие латы охватывали его грудь и спину. Из-под твёрдого забрала на тоненьких стебельках высывались два неподвижных глаза. Длинные прямые усы торчали вперёд как пики. Четыре пары тонких ног были как вилочки, две клешни - как две зубастые пасти.

Никто из прудовых жителей ещё ни разу в жизни не видал рака, и все из любопытства лезли поближе к нему. Рак шевельнулся - все испугались и отодвинулись подальше. Рак поднял переднюю ножку, ухватил вилкой свой глаз, вытянул стебелёк и давай чистить.

Это было так удивительно, что все опять полезли на рака, а один карасик даже наткнулся на его усы.

Рраз! - рак схватил его клешнёй, и глупый карасик разлетелся пополам.

Всполошились карасики, разбежались - кто куда. А голодный рак спокойно принялся за еду.

Сытно зажил рак в пруду. Целыми днями он отдыхал в тине. Ночами бродил, ощупывал усами дно и траву, хватал клешнями тихоходов-улиток.

Тритоны и карасики боялись теперь его и близко не подпускали к себе. Да ему достаточно было и улиток: он съедал их вместе с домиками, и панцирь его только креп от такой пищи.

Но вода в пруду была гнилая, затхлая. И его по-прежнему тянуло туда, где раки зимуют.

Раз вечером начался дождь. Он лил всю ночь, и к утру вода в пруду поднялась, вышла из берегов. Струя подхватила рака и понесла его прочь из пруда, ткнула в такой-то пенёк, подхватила опять и бросила в канаву.

Рак обрадовался, расправил широкий хвост, захлопал им по воде и задом-задом, как ползал, поплыл.

Но дождь кончился, канава обмелела - плыть стало неудобно. Рак пополз.

Полз он долго. Днём отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. Первая канава свернула во вторую, вторая - в третью, третья - в четвёртую, а он все пятился-пятился, полз-полз,- и всё никак не мог никуда приползти, выбраться из ста канав.

На десятый день пути он забрался, голодный, под какую-то корягу и стал ждать, не поползёт ли мимо улитка, не проплывёт ли рыбка или лягушка.

Вот сидит он под корягой и слышит: бултых! Что-то тяжёлое упало с берега в канаву.

И видит рак: плывёт к нему мордастый зверь с усами, с короткими лапами, а ростом с котёнка.

В другое время рак испугался бы, попятился от такого зверюги. Но голод не тётка. Чем-нибудь надо брюхо набить.

Пропустил рак зверя мимо себя, да хватить его клешнёй за толстый волосатый хвост! Думал, отрежет, как ножницами. Да не тут-то было. Зверь - а это была водяная крыса - как рванёт, и легче птички вылетел рак из-под коряги. Метнула крыса хвостом в другую сторону - крак! - и переломилась рачья клешня пополам.

Упал рак на дно и лежит. А крыса дальше поплыла с его клешнёй на хвосте. Спасибо ещё - нехватила рака своими страшными зубами: не помог бы ему и крепкий панцирь.

Пополз рак дальше с одной клешнёй.

Нашёл водоросли и поел их. Потом попал в ил. Рак засунул в него свои лапки-вилки и давай ими шарить. Левая задняя лапка

нащупала и схватила в иле червяка. Из лапки в лапку, из лапки в лапку, из лапки в лапку - отправил рак червяка себе в рот.

Подкрепился и пополз дальше.

Целый месяц уже длилось путешествие по канавам, когда рак вдруг почувствовал себя плохо, так плохо, что не мог ползти дальше: и стал он хвостом песок в берегу ворошить, рыть. Только успел вырыть себе норку в песке, как начало его корчить.

Рак линял. Он упал на спину, хвост его то разжимался, то сжимался, усы дёргались. Потом он разом вытянулся - панцирь его лопнул на животе, - из него полезло розовато-коричневатое тело. Тут рак сильно дёрнул хвостом - и выскочил сам из себя. Мёртвый усатый панцирь выпал из пещерки. Он был пустой, лёгкий. Сильным течением его поволокло по дну, подняло, понесло.

А в глиняной пещерке остался лежать живой рак - такой мягкий и беспомощный теперь, что даже улитка могла бы, казалось, проткнуть его своими рожками.

День проходил за днём, он всё лежал без движения. Понемногу тело его стало твердеть, снова покрываться жёстким панцирем. Только теперь панцирь был уже не чёрный, а красно-коричневый.

И вот - чудо: оторванная крысой клешня быстро начала отрастать заново.

Рак вылез из норки и с новыми силами отправился в путь - туда, где раки зимуют.

Из канавы в канаву, из ручья в ручей полз терпеливый рак. Панцирь его чернел. Дни становились короче, шли дожди, на воде плавали лёгкие золотые челночки - облетевшие с деревьев листья. По ночам вода подёргивалась хрупким ледком.

Ручей вливался в ручей, ручей бежал к реке.

Плыл-плыл по ручьям терпеливый рак - и, наконец, попал в широкую реку с глиняными берегами.

В крутых берегах под водой - в несколько этажей пещерки, как гнёзда ласточек вверху над водой, в обрыве. И из каждой пещерки рак глядит, шевелит усами, грозит клешнёй. Целый рачий город.

Обрадовался рак-путешественник. Нашёл в берегу свободное местечко и вырыл себе уютную-уютную норку-пещерку. Наелся поплотней и залёг зимовать, как медведь в берлоге.

Да уж и пора было: снег падал, и вода замёрзла.

Заткнул рак вход в пещерку своей большой клешнёй, поди-ка сунься к нему!

И заснул.
Так и все раки зимуют.

Загадки «Удивительный предметный мир»

Я в дом любой тебя впущу,
Стучишь - я рада стуку.
Но одного я не прощу -
Коль не подашь мне руку.
(дверь)

Черненькая собачка
Свернувшись лежит:
Не лает, не кусает,
А в дом не пускает.
(Замок)

Из меня берут порою
Речки свой исток,
А в руках твоих открою
Я любой замок.
(Ключ)

Прокатил меня почти
До дверей квартиры.
Управляли им в пути
Сами пассажиры.
(Лифт)

Я из дома на порог
Лишь один шагнул шажок -
Дверь закрылась за спиной,
Нет пути передо мной.
(Балкон)

Загляните под окошко -
Там растянута гармошка,
Но гармошке не играет -
Нам квартиру согревает.
(Батарея)

Мойдодыру я родня,
Отверни скорей меня:
И холодной водою
Живо я тебя умою.
(Водопроводный кран)

Попало наше тесто
В горячее место.
Попало - не пропало,
Румяной булкой стало.
(Печь)

Она снаружи вроде груши,
Висит без дела днем,
А ночью освещает дом.
(Лампочка)

Кто по проводам
В дом приходит к нам?
К дальним селам, городам
Кто идёт по проводам?
Светлое величество!
Это..?
(Электричество, электрический ток)

Полюбуйся-посмотри:
Полюс северный внутри!
Там сверкает снег и лёд,
Там сама зима живёт.
(Холодильник)

То назад, то вперед
Ходит-бродит пароход.
Остановишь - горе!
Продырявит море!
(Утюг)

Ходит-бродит по коврам,
Водит носом по углам.
Где прошел - там пыли нет,
Пыль и сор - его обед.
(Пылесос)

Мы ходим ночью, ходим днём,
Но никуда мы не уйдём.
Мы бьём исправно каждый час,
А вы, друзья, не бейте нас!
(Часы)

Я напрасно не стучу -
когда надо, разбужу
(Будильник)

Я под мышкой посижу
И что делать укажу:
Или разрешу гулять,
Или уложу в кровать.
(Градуcник)

Он - чудаk или невежда?
На любого посмотри:
Сверху носится одежда.
У него ж она внутри.
(Гардероб)
На четырех ногах стою,
Ходить я вовсе не могу:
Когда устанешь ты гулять,
Ты можешь сесть и отдыхать
(Стул)

По ночам во мне Ванятка
До того задремлет сладко,
Что не хочется вставать.
Что за штука я?..
Днем спит на ней подушка.
А по ночам - Андрюшка.
(Кровать)

Два брюшка, четыре ушка.
Пером и пухом нас набили,
Чтоб очень мягкими мы были.
Лежим спокойно под щекой,
Чтоб сон был крепкий и покой.
(Подушка)

Кто со мной под дождик вышел,
Для того я вроде крыши.
(Зонт)

Два конца, два кольца,
Посредине гвоздик.
Инструмент бывалый -
Не большой, не малый.
У него полно забот,
Он и режет, и стрижет.
(Ножницы)

Кто на работу вышел,
Каждый услышал.
Сам он худ, голова с пуд,
Как ударит - крепко станет.
(Молоток)

Весь я сделан из железа,
У меня ни ног, ни рук.
Я по шляпу в доску влезу,
А по мне всё тук да тук.
(Гвоздь)

Маленького роста я,
Тонкая и острая,
Носом путь себе ищу,
За собою хвост тащу
(Иголка с ниткой)

Хлопотун Егорка
Взялся за уборку:
В пляс по комнате пошёл,
Оглянулся - чистый пол.
(Веник)

М. Цветаева «У кроватки»

– «Там, где шиповник рос аленький,

– Гномы нашли колпачки...»

Мама у маленькой Валеньки

Тихо сняла башмачки.

– «Солнце глядело сквозь веточки,

– К розе летела пчела...»

Мама у маленькой деточки

Тихо чулочки сняла.

– «Змей не прождал ни минуточки,

– Свистнул, – и в горы скорей!»

– Мама у сонной малюточки

Шелк расчесала кудрей.

– «Кошку завидевши, курочки

– Стали с индюшками в круг...»

– Мама у сонной дочурочки

Вынула куклу из рук.

– «Вечером к девочке маленькой

– Раз прилетел ангелок...»

Мама над дремлющей Валенькой

Кукле вязала чулок.

Н. Носов Кот Барсик и стиральная машина.

(рассказ)

Кот Барсик обожал забираться в шкафы и лежать там на чистом белье. Порой, чтобы его найти, приходилось шарить по всем полкам, а он спрячется между простынями, и не отыщешь его.

Мама и папа давно мечтали о стиральной машине — и, наконец, в один прекрасный день чудесный агрегат появился у нас дома. То-то радости было! Стиральная машина была похожа на большой белый ящик с круглым окошечком, которое открывалось наподобие корабельного иллюминатора. Чтобы постирать белье, нужно было сунуть его в окошечко, закрыть и задать программу стирки. Мама быстро бросила несколько грязных простыней, пододеяльник и пару полотенец в «иллюминатор», собираясь включить машину, но тут зазвонил телефон. Закончив телефонный разговор, мама вернулась к машине, закрыла круглое окошко и включила агрегат. Мы с сестрой прибежали поглядеть на «торжественный запуск» стирального чудо-прибора. Машина загудела и стала делать свою работу. Сначала набралась вода, потом железный барабан с бельем начал вращаться, отстирывая то, что в нем было. Мы с интересом наблюдали за работой агрегата, как вдруг из машины раздался вопль: «Мяу! Мяу!» - и в «иллюминаторе» сквозь стекло показалась... усатая мордочка нашего кота Барсика с круглыми от ужаса глазами. Мы переглянулись и в один голос закричали:

— Мама, мама, иди скорей сюда, там Барсик!

— Где? — не поняла мама.

— Там, в стиральной машине! Что делать?

Мама прибежала и тоже услышала жалобное мяуканье.

— Надо выключить машину, а то он захлебнется! - сказала она и отключила прибор, затем откачала воду и открыла круглое окошечко. Порывшись среди мокрого белья, мама извлекла оттуда еле живого Барсика. Он был мокрый, жалкий и все время чихал: видно, стиральный порошок пришелся ему не по вкусу!

— Барсик! — прижала мама бедного кота к себе. - Как ты сюда попал?

Но Барсик только дрожал и испуганно озирался. Мы его завернули в простыню и отнесли сушиться. Я сказал:

— Наверное, наш кот принял стиральную машину за новый шкаф для белья, и, пока мама разговаривала по телефону, уютно там устроился среди простыней.

Сестренка засмеялась:

— Барсик никогда не любил мыться, зато теперь машина отстирала его на славу! С тех пор наш кот обходил стиральную машину стороной и в шкафы забираться перестал.

Н. Г. Волкова «Воздушные замки»

Сижу на кровати
в носках и пижамке
И строю, и строю
из воздуха замки.
На лошади рыцарь,
Изящно гарцуя,
От дамы воздушного
Ждет поцелуя.
Король обожает
Воздушные сливки,
Воздушный дракон
Носит всех на загривке.
В тех замках воздушные
Есть галереи,
В них – вместо полотен –
Воздушные змеи.
И если попасть
В эти замки вам нужно,
То можно!
Но только на шаре
Воздушном!

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

“Дедушке нашему хорошо! — подумал Барбоска. — Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится сидеть, сторожить квартиру”.

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда, — говорит Бобик. — Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя, — ответил Барбос, — дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?

— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбосу. — Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да, — ответил Барбос, — у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик. — Говорят — я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стенке висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы, — ответил Барбос. — Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик. — У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Так ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! Бом!

— А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх ты! — сказал Барбос. — Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай, — закричал он, показывая на зеркало, — там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — засмеялся Барбос.

— Как — я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбос. — Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик. — Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбос. — Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа!

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик. — Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь, я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а этот чудак в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — похвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, уж это враки!

— Честное слово!

— А ну, пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались, и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорее кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

— Ох, и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтобы удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью, что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет дедушка?!

— Что мне дедушка! Подумаешь! Это кровать моя.

— А где же дедушка спит?

— Дедушка там, в углу на коврик.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну, пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

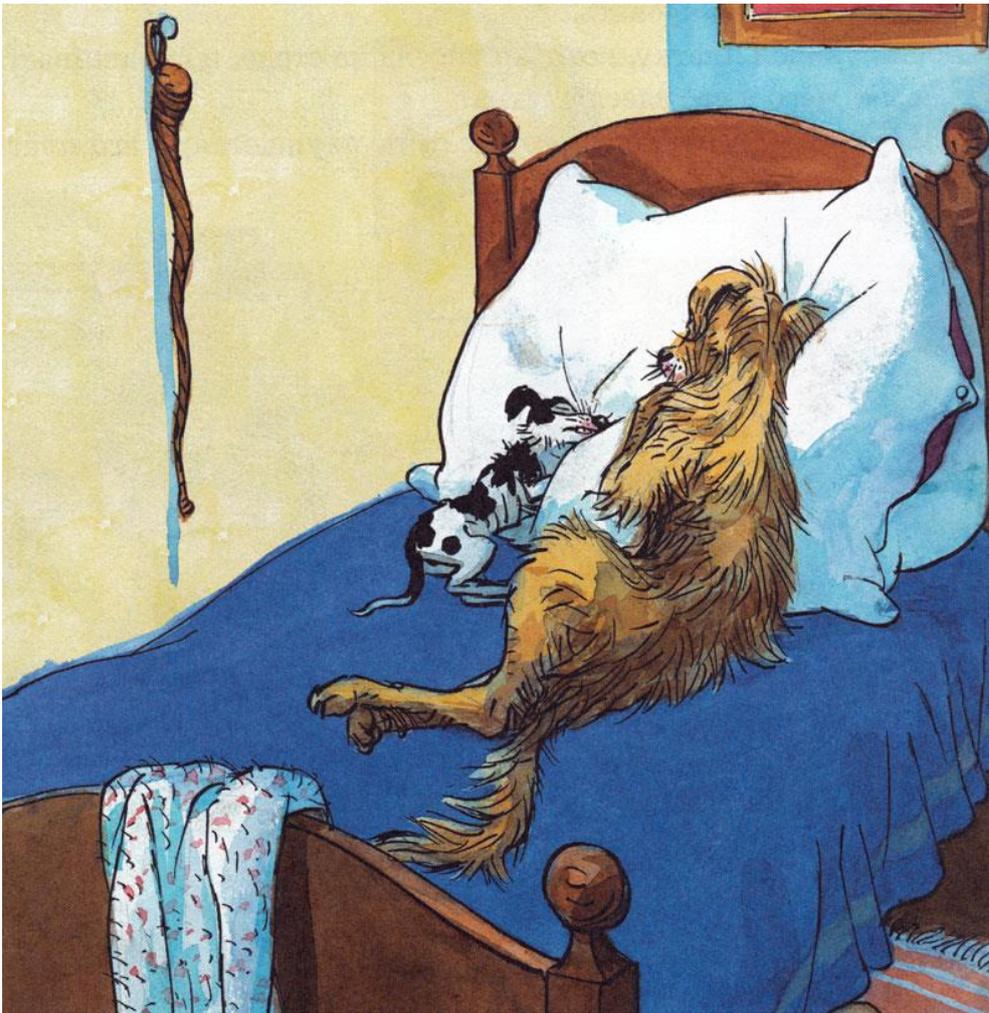
Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

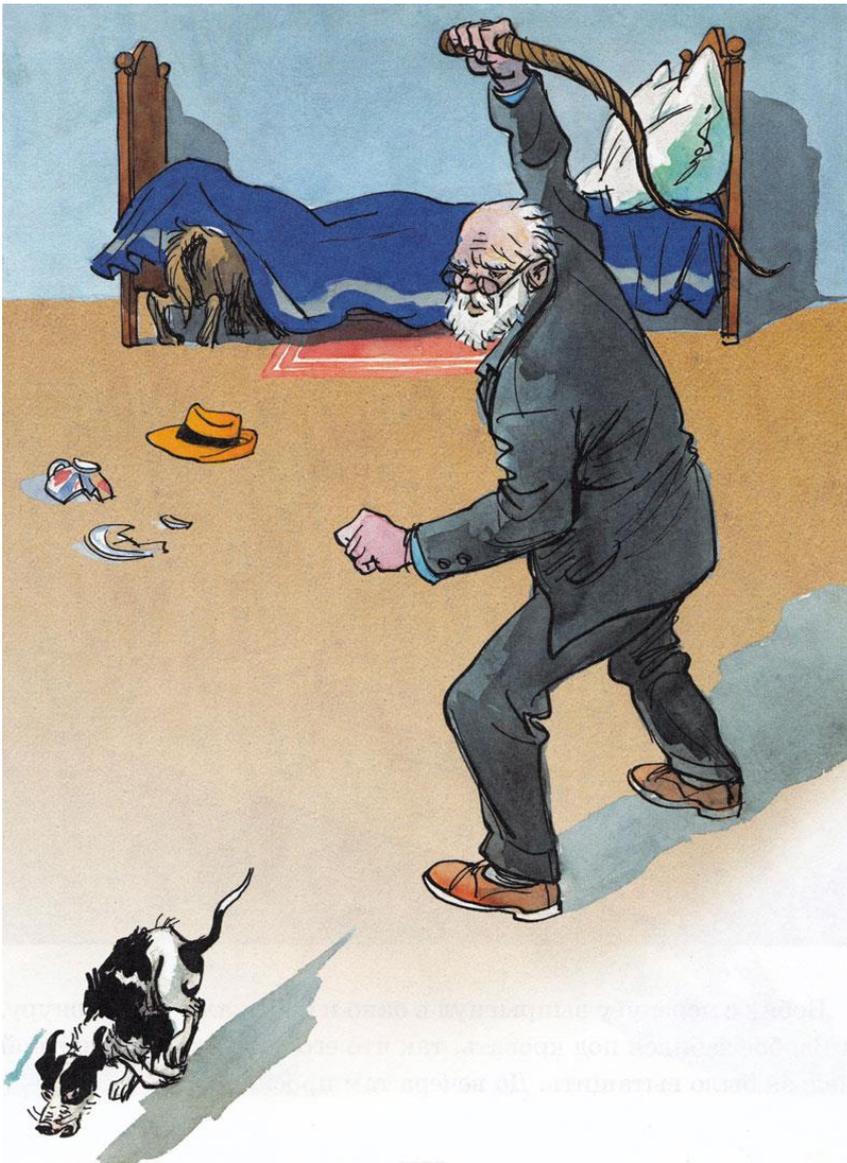
— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись, да и заснули.

Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, взял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька, — сказал Барбос, — опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

Русская народная сказка «Лиса и журавль»

Лиса с журавлем подружилась. Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж как я тебя угощу!

Идёт журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и угощает:

— Покушай, мой голубчик куманек! Сама стряпала.

Журавль стук-стук носом, стучал-стучал по тарелке, ничего не попадает.

А лисица в это время лижет себе да лижет кашу — так всю сама и слизала.

Каша съедена; лисица и говорит:

— Не обессудь, любезный кум! Больше угощать нечем!

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи теперь ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, выложил в кувшин с маленьким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Правда, больше нечем угощать.

Лисица начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его и понюхает; всё ничего не достаёт! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел.

— Не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада: думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла голодная. Как аукнулось, так и откликнулось. С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

С.Я. Маршак «Откуда стол появился»

Берете книгу и тетрадь,
Садитесь вы за стол.
А вы могли бы рассказать,
Откуда стол пришел?
Недаром пахнет он сосной.
Пришел он из глуши лесной.
Вот этот стол — сосновый стол
К нам из лесу пришел.
Пришел он из глуши лесной
Он сам когда-то был сосной.
Сочилась из его ствола
Прозрачная смола.

У нас под ним — паркетный пол,
А там была земля.
Он много лет в лесу провел,
Ветвями шевеля.
Он был в чешуйчатой коре,
А меж его корней
Барсук храпел в своей норе
До первых вешних дней.

Видал он белку, этот стол.
Она карабкалась на ствол,
Царапая кору.
Он на ветвях качал галчат
И слышал, как они кричат,
Проснувшись поутру.

Но вот горячая пила
Глубоко в ствол его вошла.
Вздохнул он — и упал...

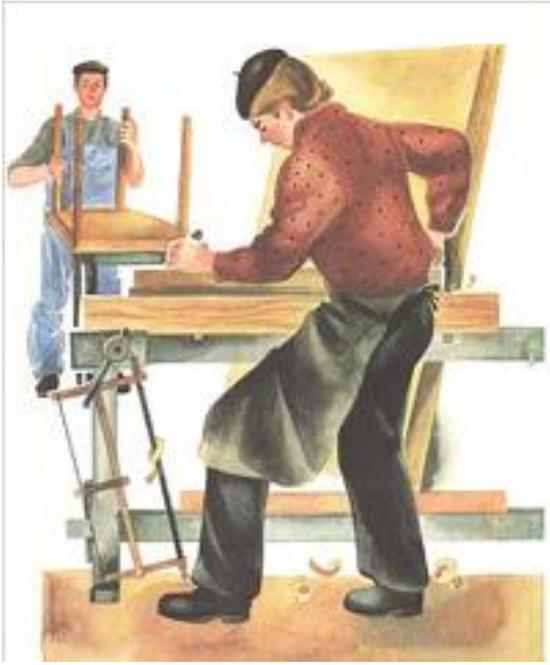
И в лесопилке над рекой
Он стал бревном, он стал доской.
Потом в столярной мастерской
Четвероногим стал.

Он вышел из рабочих рук,
Устойчив и широк.
Где был на нем рогатый сук,
Виднеется глазок.
Домашним жителем он стал,
Стоит он у стены.

Теперь барсук бы не узнал
Родной своей сосны.
Медведь бы в логово залез,
Лису объял бы страх,

Когда бы стол явился в лес
На четырех ногах!..
Но в лес он больше не пойдет
Он с нами будет жить.

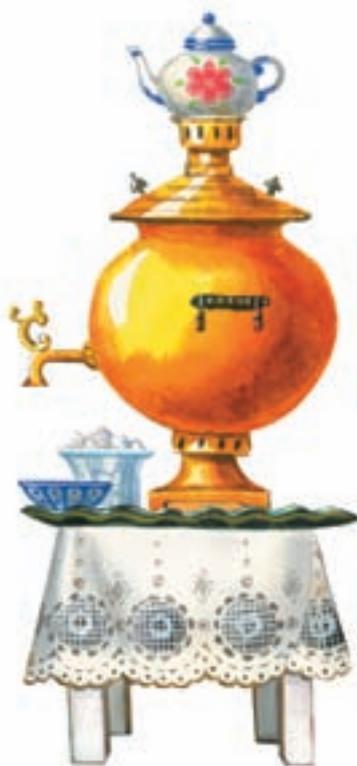
День изо дня, из года в год
Он будет нам служить.
Стоит чернильница на нем,
Лежит на нем тетрадь.
За ним работать будем днем,
А вечером — читать.
На нем чертеж я разложу,
Когда пора придет,
Чтобы потом по чертежу
Построить самолет.

МОИ ЛЮБИМЫЕ КНИЖКИ

Корней Чуковский

ФЕДРИНО ГОРЕ

Художник Екатерина Петрова

Москва
ВАКОША

1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатую метла
Вдоль по улице пошла.

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.

Испугалась коза,
Растопырила глаза:
«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

2

Но, как чёрная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.

И помчались по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи,
держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут побрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! — натываются,
И стаканы — дзынь! — разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»

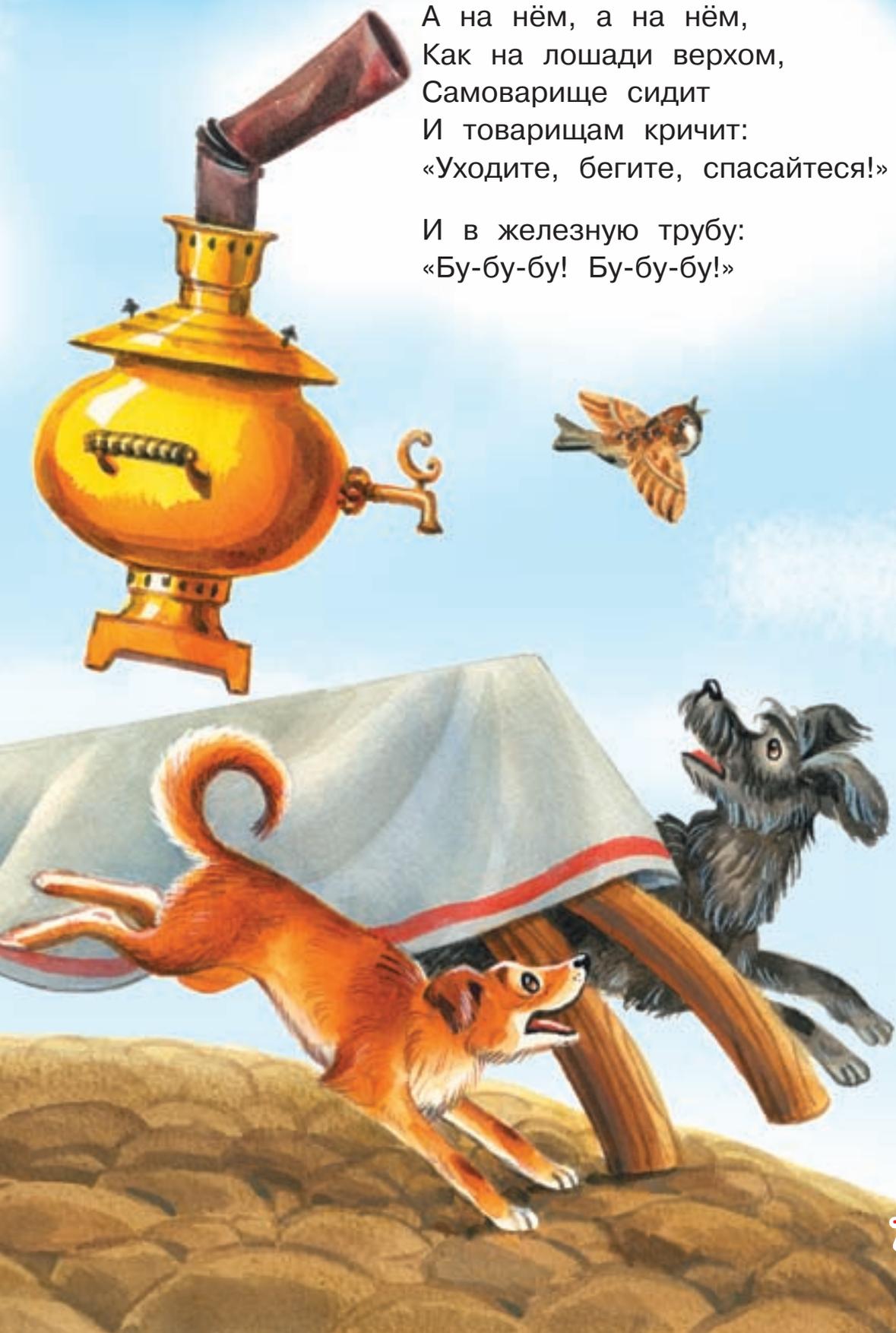
А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл...

А на нём, а на нём,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтесь!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

А фарфоровые блюдца
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

